

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Б. Л. Леонидова

Когда их двое

1987/5

Педагогический

ФАКУЛЬТЕТ

Издается
ежемесячно
с 1964 г.

1987/5

Б. Л. Леонидова

Когда их двое

ББК 74.90
Л47

Автор: ЛЕОНИДОВА Белла Леонидовна — журналист, пишущий по проблемам воспитания.

Рецензент: А з а р о в Юрий Петрович — доктор педагогических наук.

Редактор: О. Г. Свердлова

Леонидова Б. Л.

Л47 Когда их двое. — М.: Знание, 1987. — 96 с.—
(Нар. ун-т. Пед. фак.; № 5).

15 к.

Кого вы больше любите: сына или дочку? Ах, у вас два мальчика. Так кого же — старшего или младшего? Одинаково. Это прекрасно! Значит, вы всегда равны с ними, всегда справедливы, никогда не отдаете предпочтения кому-то одному, и ваши дети любят друг друга и крепко дружат, как и положено братьям. Нет? Постоянно ссорятся и дерутся. Старший не желает уступать младшему, а младший жалуется на старшего. Или уж дети такими уродились? А может, дело не в детях, а в родителях? Потому что, когда в семье двое детей, только от родителей зависит, как складываются и сложатся в дальнейшем их отношения.

Книжка адресована родителям, воспитателям.

Л **4311000000-097** **57-87**
073(02)-87

ББК 74.90

© Издательство «Знание», 1987 г.

Двадцать первый век приблизился к нам настолько, что уже приобрел вполне реальные, видимые черты.

Мы заглядываем в него через планы развития нашего общества, через чудеса науки и техники, а главное, через наших детей и внуков, которым предстоит жить в третьем тысячелетии.

Вдуматься только: рядом с нами граждане нового века! Они получают необозримые возможности для развития своих способностей и приложения сил. Избавятся от тяжелого и непроизводительного труда. Многие проблемы, над которыми мы бьемся, для них просто не будут существовать. Прочная семья, которую М. С. Горбачев назвал на XXVII съезде КПСС одним из важнейших устоев общества, станет для них единственно возможной, станет нормой.

Хочется надеяться, что все будет именно так.

Для этого будущего стоит трудиться не покладая рук. Кроме нас, живущих сегодня, никто его не создаст. Надеяться на тех, кто придет завтра, — легкомысленно и недостойно, все равно что перекладывать свою работу на плечи другого. Каждый обязан свое дело делать сам и делать его на уровне нашего времени и с учетом нашего будущего независимо от того, чем человек занимается, что является сферой его деятельности: производство, творчество, обслуживание или воспитание и обучение детей. Дети — тоже наш вклад в будущее, и самый важный, быть может.

Маленькие дети не подозревают о своей высокой миссии быть гражданами Нового века. Но приметы времени вокруг них: уровень жизни, уровень образования родителей, электрифицированная квартира и электрифици-

рованные игрушки, сказки, записанные на диски, голос сказочника из репродуктора, все для них привычно, все входит в их сознание как нечто абсолютно естественное и необходимое. Но... Но так же, как и полвека назад, малыш бежит к матери и, цепляясь за ее юбку или джинсы, требует: «Поиграй со мной!» Так же жалуется: «Коля на-калякал на моей картинке!» И плачет: «Ты только Ленку любишь, а на меня не смотришь!» И вся имеющаяся в наличии бытовая техника не может заменить ребенку маминой улыбки и папиной похвалы.

Такую простую и несомненную истину приходится напоминать каждому новому поколению родителей особенно сейчас. Как показывает жизнь, многие из них все больше склоняются к тому, что воспитать чувства и мысли их ребенка может кто-то другой, а не они сами.

Молодая женщина, мать двух детей, выразила эту подспудную мысль многих своих сверстников так:

— Мне кажется, что мы обкрадываем детство наших ребят: у нас нет цветного телевизора.

Представляете? У детей есть отец и мать, любовь, забота, игрушки, книжки, а матери кажется, что они обделены! Бедняжкам приходится довольствоваться черно-белым изображением на экране телевизора!

Выслушав мои соображения, молодая женщина вздохнула и сказала:

— Все так, конечно, но все же... Не то!

Нет, то, то самое, самое важное и необходимое для детей. При условии, что родители сполна сознают свою ответственность. Как писал А. С. Макаренко: если вы родили ребенка, то, значит, на много лет вперед отдали ему все напряжение вашей мысли, все ваше внимание и всю вашу волю.

Телевидение во времена Макаренко еще не появилось, но убеждена, что если бы оно и было, то Антон Семенович ни слова не изменил бы в своем тезисе.

Кстати, как я имела возможность убедиться, отец и мать «обделенных цветным телевизором» детей справляются с их воспитанием вполне успешно. Ребята растут веселыми, смышленными, трудолюбивыми и очень дружными, а это само по себе без активного родительского участия получается не так уж часто.

Во все времена люди озабочены тем, как вырастить детей хорошими людьми. Не теряет своей актуальности проблема и сейчас, на пороге нового тысячелетия. И любой аспект этой проблемы обязательно представляет для кого-то из родителей особый интерес.

Мне хочется предложить вам, читатель, задуматься над отношениями в семье, когда в ней двое детей: отец, мать и сыновья, или дочери, или мальчик и девочка. И вот почему.

Психология семейного общения много внимания уделяет взаимоотношениям супругов, воспитанию единственного ребенка, многодетным семьям. Что же касается отношений внутри двухдетной семьи, то внимание привлекают в основном близнецы. Но близнецы — не такое уж частое явление, а двухдетных семей — большинство. И в таких семьях возникает немало вопросов:

- отношения каждого родителя с каждым из детей;
- отношения детей между собой;
- равенство во что бы то ни стало или справедливость;
- старший и младший;
- сильный и слабый, и так далее.

Разве подобные вопросы не заслуживают внимания?

В одной и той же семье двух одинаковых детей не бывает.

Исключение — близнецы, да и то лишь в случае, когда они монозиготные, то есть однайцовые, хотя психологи считают, что даже и они не полностью идентичны.

Итак, разные дети в одной семье. Разные по внешности, темпераменту, наклонностям, реакции... Родились бы в разных семьях и встретились случайно, возможно, никогда не подружались бы, даже просто общаться не смогли бы длительное время. Но они — братья и сестры, и одно это обстоятельство, не перечеркивая различий, утверждает: они должны стать друзьями.

Человеческие чувства принадлежат только человеку. И любовь, и дружба, и радость, и трудные победы, и достижения... Они не могут исчезнуть. Недаром через годы и столетия трогают нас и сегодня глаза рафаэлевской мадонны и плач Ярославны, слезы Джульетты и народные сказки...

Поэтому, наверное, дошла к нам с незапамятных вре-

мен и сохранила свой смысл самая древняя формула дружбы: «Ты будешь мне братом!» И самая древняя формула справедливости: «Поделимся по-братски!» И одна из самых древних трагедий: «Брат поднял руку на брата!»

С того самого момента, когда детей в семье стало двое, завязываются их отношения. Не на пустом месте, а при активном участии родителей.

ОПЯТЬ ПРОБЛЕМЫ

Первый ребенок приносит с собой в молодую семью великое множество трудностей и сложностей. Это и понятно: опыта у родителей нет, быт часто еще не налажен, а у маленького — то желудочек, то зубки, то спит плохо... И со всех сторон пугают: смотрите, не вырастите эгоиста, себялюбца, деспота, потом сами наплачетесь.

Но вот справились и с желудочком, и с зубками, и грозные прогнозы не сбываются. Ребенок все больше радуется, и когда родители решаются завести второго малыша, то трудности, пережитые с первым, уже не пугают. Они уверены, что теперь все пойдет легче. С одной стороны, какой ни какой, а опыт воспитания имеется, с другой — будет в семье хоть и маленький, но все же детский коллектив, а коллектив, как известно, не способствует развитию отрицательных свойств характера.

Так-то оно так, но лишь отчасти. Опыт помогает, кто ж спорит, и двое детей лучше, чем один. А будет ли легче... Вряд ли. С появлением второго ребенка появятся и новые проблемы.

...Совсем недавно все в семье вертелось вокруг одного — самого дорогого, самого любимого. Все помыслы и заботы были о нем. И вдруг сам по себе возник вопрос: как ОН воспримет появление нового члена семьи? Как отнесется к тому, что титул «единственный» придется сменить на более скромный — «старший брат» или «сестра».

Переход в новое качество всегда дело непростое, есть над чем подумать. Может быть, следует заранее подготовить почву и посеять в нее зернышко любви к тому, кто скоро появится на свет. Человек трех-четырёх лет от

роду, привыкший чувствовать себя в мире завоевателем и владыкой, которому все подвластно и послушно, может и не примириться сразу и легко с появлением «конкурента на престол».

...— Тебе не скучно играть одному, Сереженька? — ласково спрашивает мама сына.

Сереженька смотрит подозрительно, прижимая к груди новую игрушку.

— Нет, не скучно! — решительно отвечает он.

— Тебе не хотелось бы иметь сестричку? — робко продолжает мама.

— Не надо мне девчонок! — Тон у Сережи непреклонный, и мама сникает.

— А братика?

— Я сам братик! — говорит мальчик и всем своим видом показывает, что разговор окончен.

Мама вздыхает. Вечером она говорит папе:

— Понимаешь, Сережа не хочет...

— Что значит «не хочет»? — с мужской суровостью замечает папа. — Избаловали, понимаешь, вот он и воображает...

— Но так хочется, чтобы ☉ тоже радовался, чтобы он сразу полюбил малыша...

— Полюбит, полюбит, никуда не денется! — успокаивает папа. — Как же иначе! Просто мал еще, не понимает.

Объяснять подобные вещи двух- или трехлетнему — пустое занятие, он еще не в состоянии мыслить отвлеченно. Подождите, пока он своими глазами увидит младенца, услышит его плач, подержит в своей руке крохотную ладошку. Тогда новый член семьи станет для него реальностью.

Если же первенцу уже четыре, пять, семь — лучше подготовить его к знаменательному событию, чтобы неожиданность не поранила детского сердца.

Чем младше старший, тем больше надо связывать недалекое будущее именно с ним: «Ты будешь играть с братиком!», «Ты научишь его рисовать!», «Ты не дашь сестренку в обиду? Знаешь как она тебя полюбит!»

Более старшим неплохо дать понять, что родители очень надеются на его помощь. Не нарочито, не акцен-

тируя, а мимоходом, в семейных разговорах с участием сына или дочери.

Из всех проблем, связанных с появлением второго ребенка, это, конечно же, самая легко разрешимая. Подготовили — хорошо, не подготовили — тоже ничего страшного не произойдет. Просто уж коли коснулись этой темы, можно учесть пожелания, высказанные здесь. А настоящие вопросы — впереди.

Пока младший ребенок совсем мал, ему неизбежно уделяют больше времени и больше внимания. И поцелуев на его долю выпадает больше, и нежных слов. Дело не в том, чтобы делить точно поровну время, игрушки и поцелуи, — потребительское равенство здесь ничего не решает. Важно другое: чтобы старший не чувствовал себя обделенным, лишним. Чтобы он знал и имел подтверждения тому, что его место в материнском и отцовском сердце принадлежит ему, не занято. Убеденный в этом, старший охотно поделится с младшим чем угодно, отдаст ему игрушку, лакомство, уступит в игре...

Кроме любви от родителей требуется ТАКТ. Выделим это слово, потому что именно родительский такт — тот самый цемент, который скрепляет дружбу между детьми. От такта родителей зависит в большей мере успех воздействия на ребенка.

Что такое такт? Само слово обозначает «мера». Такт — это уважение к личности ребенка, требовательность и доверие, ровность в обращении, владение своими собственными нервами и эмоциями... Это постоянное творчество: уметь сориентироваться в любой обстановке, предвидеть возможную реакцию ребенка.

А. С. Макаренко подчеркивал, что педагогический так же, как и родительский такт, выражается прежде всего в искренности, в словах одобрения, сказанных от души, в искренности огорчения по поводу постигшей ребенка неудачи.

Такт — это чуткость, справедливость, понимание.

Не могу забыть одну сцену.

На бульварной скамейке сидел молодой еще папа и вел дознание своим сыновьям-погодкам. Один из них размазывал под носом кровь с грязью. Отец задавал вопросы:

— Значит, ты отнял у Пети палку и убежал?

— Да! — всхлипнул тот.

— Споткнулся и упал носом на палку? — продолжал допытываться отец. — Значит, кто виноват?

— Вадька виноват, Вадька виноват! — запрыгал второй мальчишка. — Так ему и надо! Так ему и надо!

Я перехватила взгляд пострадавшего, брошенный на брата, и прочитала в нем, что отцовское «объективное разбирательство» нанесло гораздо более чувствительный удар, чем злополучная палка.

Да будь он тысячу раз виноват, этот Вадька! Он же ребенок, он ушибся, ему больно. Надо взять его на руки, утереть кровь, пожалеть... Самому пожалеть и заставить младшего брата! А уж потом можно найти нужные слова — мало ли их подходящих к случаю. Нельзя злорадоваться, нельзя озлоблять ребенка.

Описанная сценка — не только доказательство отсутствия элементарного такта (не сориентировался в ситуации, не разделил боль сына, не учел его реакции, унизил в присутствии брата), но и наглядная иллюстрация к тому, что без доброты и чуткости любая справедливость ничем не лучше явной несправедливости и жестокости.

Жизнь доказывает: нелюбовь старшего ребенка к младшему (или наоборот), ссоры и раздоры между детьми имеют почти всегда одну причину — нетактичность родителей. Хотя среди них не найдется таких, которые не хотели бы вырастить своих детей друзьями. Вот еще одна проблема: как это сделать.

Все начинается, как всегда, с мелочей.

— Не можешь уступить Оле! Она маленькая, а ты вон какой вымахал и ничего не понимаешь! — раздраженно кричит мать пятилетнему сыну, который не дает мячик двухлетней сестренке. — Иди ко мне, Оленька, не плачь! Мы больше никогда не дадим мячик этому противному Павлушке!

А если по-другому:

— Оленька, смотри, как Павлик бросает мячик. Не плачь, он тебя тоже научит. Научишь, Павлик? Вот спасибо! Оленька, не капризничай, а то Павлик не захочет больше с тобой играть.

Высыхают слезы у младшей, исчезает агрессивность старшего, и вот они уже играют вместе. А мама конфиденциально шепчет сыну: «Павлуша, что с нее взять. Она же кроха, ничего не понимает. Ты поиграй с ней, а я пойду доварю обед, ладно?»

Тем, кто считает, что всяким таким «нежностям» и «мелочам» грош цена и следует просто «поднадавать», можно напомнить, что каковы методы, таковы и результаты. И все, о чем здесь говорится, рассчитано на родителей, которых все эти вопросы волнуют и которые ищут на них ответа.

Был в семье один ребенок. Заслужил — похвалили, провинился — побранили. А теперь, когда два? Одного похвалишь, а как это воспримет второй? Одного побранишь, а второй — свидетелем станет? Свидетелем унижения! Судьей, чего доброго!

Об унижении разговор особый.

В хороших семьях в наказаниях просто нет необходимости. Достаточно обыкновенной человеческой реакции на провинность: выговора, холодного тона, огорчения родителей. Тем, кто предпочитает крик, ругань, а то и ремень, наверное, это покажется невероятным. Но это уж зависит от того, кто как поставил, кто как завел у себя в семье. Совет со стороны вряд ли что-либо изменит.

Те, кто к наказаниям прибегает, подумайте, наказывая ребенка, какую роль вы отводите при этом его брату или сестре?

Унижение, особенно частое, систематическое, приводит к таким последствиям в будущем, которые и предвидеть трудно.

Пусть второй, не виноватый, ребенок сочувствует наказанному, все равно в душе наказанного и униженного прорастет недоброе чувство к свидетелю постоянного своего унижения. А свидетелей своего унижения никто не любит, к детям эта бесспорная истина так же применима, как и ко взрослым.

Распространенная форма наказания детей — лишать их части родительской любви. Сильное воздействие, к которому прибегать можно лишь в крайнем случае и с большой осторожностью, особенно когда детей двое. Одного продолжают любить, другого лишают этой любви. Пси-

хологи считают, что подобная мера может вызвать у детей глубокие переживания, даже нарушения психики.

Вот почему так важно создать у ребенка уверенность в том, что он любим, нужен, необходим.

Только при такой уверенности возможно формирование психического мира, только на основе любви можно воспитать нравственное поведение, только любовь способна научить любви.

Делайте все, что вы считаете нужным и возможным сделать для детей, но всегда заботьтесь о поддержании и сохранении контактов с ними. Должна быть не внешняя, а искренняя заинтересованность во всем, что касается ваших ребят, их жизни.

Глубокий постоянный психологический контакт с детьми — универсальное требование ко всем родителям независимо от возраста детей. Эти контакты дают детям почувствовать и осознать родительскую привязанность и заботу.

Ничего, что один ребенок еще ходит в детский сад, а другой уже носит школьную форму, все равно любые события их жизни интересуют отца и мать: игры, занятия, развлечения, отношения с товарищами... Сводить контакты к стандартным вопросам: что ел, как себя вел, какие отметки получил, — значит обманывать себя и детей. А дети всегда чувствуют безошибочно, продиктованы вопросы настоящим интересом к ним или заданы просто так. Припомните, как неохотно отвечают малыши на дежурные вопросы гостей: «Кого ты больше любишь?», «Как учишься, кем хочешь стать, когда вырастешь?» От посторонних чего же ждать? Родители — другое дело...

Любовь, такт, постоянный контакт с детьми требуются от родителей, которые хотят вырастить своих ребят дружными и счастливыми, не обремененными различными комплексами.

В семьях, где взрослые не слишком отягощают себя духовными заботами, а дети непрестанно воюют между собой, постоянно жалуются один на другого, даже гадости норовят исподтишка сделать, чтобы только досадить брату или сестре, можно услышать: «Ничего, вырастут — поумнеют!» Может, так, а может, не так. Как получится, если надеяться на случайное стечение обстоятельств?

Нет никакой гарантии, что ребячьи ссоры и раздоры не перерастут в настоящую антипатию и выйдут из отчего дома чужие, а то и враждебные друг другу люди.

Грустно, когда родные по крови люди, в сущности, — чужие. Кровное родство, не подкрепленное любовью и дружбой, немногого стоит. Все равно как супружество без любви и привязанности. Такие связи распадаются легко, от первого толчка — и часто даже не слишком болезненно.

Старший ребенок полюбит младшего, а младший привяжется к старшему непременно при одном обязательном условии: если родители не помешают этому. Не растопчут, не раздавят грубо и неосторожно ростки братской любви.

Просто удивительно, сколько в распоряжении взрослых, причем взрослых, любящих своих детей, имеется для этого средств! Конечно, без злого умысла. Нет родителей, желающих сознательно вражды между кровными своими детьми. Все хотят, чтобы их дети росли в любви и дружбе, чтобы они на все были готовы друг для дру-

га. Хотят... но не всегда, к сожалению, отдают себе отчет в том, что делают.

Вот семья, где старший сын блистательно учится в школе, занимается музыкой, шахматами, пишет стихи, а младший сын — тугодум и увалень, не в ладах со временем, часто и уроки не успевает сделать. Родители, вроде бы умные, вроде бы интеллигентные люди, непрерывно подстегивают младшего: «Посмотри на Олега. Пока ты один раз повернешься, он уже все сделает!», «Ты себя с Олегом не равняй!» — такие фразы часто слышны здесь. И еще одна: «Куда тебе до брата!»

Вот семья, где сестер одевают настолько по-разному, что это бросается в глаза: одна словно картинка в модном журнале, другая — в чем-то нелепом, не по возрасту. Мать объясняет, что младшая донашивает вещи старшей. Ничего страшного, но трудно ли подогнать по фигурке! «Обойдется», — говорит мать. Разница между девочками всего четыре года — шестнадцать и двенадцать, и младшая уже очень чувствительна к своему внешнему виду, над которым подтрунивают подружки.

А вот семья, в которой родители постоянно, в любых спорах и ситуациях на стороне младшего сына: он перенес в раннем детстве тяжелую болезнь и боязнь за его здоровье перевешивает у отца и матери все — здравый смысл, чувство справедливости, простую элементарную объективность. За старшим мальчиком постоянно следят, как бы он не обидел Славику, не задел его, не напугал... У старшего и в мыслях нет ничего похожего, он нежно привязан к брату. Надолго ли?

Помочь детям полюбить друг друга можно буквально с первого дня.

Мама меняет младенцу пеленки, а трехлетний первенец играет в уголке с пирамидкой. «Вова, помоги, мне одной трудно!» — зовет мама и дает сыну подержать распашонку или чепчик.

Везет папа коляску, а рядом шагает маленькая дочка, держится за ручку экипажа — «помогает»...

Чем дальше, тем больше... Совместные поручения, общая работа очень сближают. Маленьким следует точно указать, что кому делать. Тем, кто постарше, сказать: «Сами решите, кто чем займется!» А при заметной разнице

в возрасте определите младшего в помощники к старшему. Младший будет горд доверием, а старший — ролью руководителя и наставника.

Не справились с работой? Выясните, что помешало. Не упрекайте «дырявыми руками», «неумением». И хвалите с умом. «Витя у нас молодец! И Илюша молодец! Оба вы у нас молодцы!» А уж коли хвалить Илюшу не за что особенно, выдайте ему «аванс»: «Илюша тоже постарается сделать, как Витя, правда?»

И поощряйте, как только можете, любое проявление заботы детей друг о друге, их дружную игру, их любовь, нежные отношения.

Вместе с детьми растет и круг вопросов — ограничить его невозможно. Каждый из вопросов требует напряжения собственной мысли.

А велеть кому-нибудь «дать тебе готовые мысли — это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо рождать самому в муках, и они-то самые ценные», — писал Януш Корчак.

Может быть, истории, рассказанные в этой книжке, на толкнут кого-то на размышления и помогут «родить» эти мысли.

МЛАДШИЙ ПАПА

Если сильно прищурить глаза и смотреть сквозь ресницы, то в узорах коврика над кроватью можно увидеть всякие интересные вещи. Вчера, например, он рассмотрел веселого Деда Мороза, такого, как на елке в школе, и каких-то зверушек. Потом чуть шевельнул ресницами, и все они куда-то исчезли, а вместо них появилась собака с поднятым ухом... Это было вроде игры перед сном и по утрам, когда Витя просыпался.

Но сегодня он проснулся, лежит и смотрит широко открытыми глазами на коврик и ничего не видит на нем, кроме разноцветных квадратов и кружков.

В комнате почти светло. Обычно в это время Витя отправляется в школу, но сейчас каникулы, первые в его жизни каникулы без мамы. Маму неделю назад отвезли в больницу, и там у нее родилась девочка. «У тебя теперь есть сестра! — сказал папа. — Понимаешь, сестра!»

Он понимает, не маленький — уже в третьем классе. Сколько времени только и разговоров в доме о том, кто родится, как назовут, что надо купить... И каждый, кто приходил в гости, обязательно приставал к Вите: «А кого ты хочешь: братика или сестричку?» Он отвечал: «Сестричку!» Отвечал так просто потому, что знал: мама и папа хотят, чтобы родилась девочка. А ему, честно говоря, было все равно, кто родится. И разговоры эти порядком надоели, и он с нетерпением ждал, когда все это кончится и начнется нормальная, спокойная жизнь, как раньше.

...В комнату вошел папа:

— Проснулся? Вставай, сегодня маму привезем.

Наконец-то! Витя вскочил, обрадованно засуетился. Они с папой вообще-то неплохо прожили неделю вдвоем. Только папа был какой-то странный: не сразу понимал, о чем Витя его спрашивает, и даже проиграл ему две партии в шахматы, хотя одну мог запросто выиграть или в крайнем случае свести в ничью.

...В суматохе возле больницы и потом в машине мальчик ничего толком не понял и не рассмотрел, кроме того, что мама опять с ними и в руках у нее сверток, перевязанный розовыми лентами. Но когда они вошли в квартиру, мама скинула пальто и, улыбаясь, притянула сына к себе:

— Здравствуй, Витюшка! Какой же ты у меня большой!

Он счастливо зажмурился от ее прикосновений и с наслаждением почувствовал мягкие губы на своем лице.

Мама стала такой же, как прежде, — тоненькой, быстрой. Он гордился, что она такая, и в душе не понимал, как это некоторые ребята любят своих толстых мам.

— Познакомься с сестричкой, сынок.

Посередине широкой кровати, на развернутых пеленках лежала очень маленькая девочка в распашонке, не доходившей до пупа, с голой головой и каким-то странным лицом и дрыгала руками и ногами... Он с затаенным любопытством оглядел красноватое тельце, так не похожее на его собственное тело, и отвел глаза.

— Правда, она хорошенькая? — нежным голосом спросила мама.

— Ничего, — вежливо ответил он, не желая обидеть маму и удивляясь, как это она сама не видит, не понимает...

Ловкими осторожными движениями мама заворачивала девочку, и лицо у нее светилось, и губы шептали что-то ласковое. Когда же, когда она успела так полюбить ее?!

Вите вдруг непонятно отчего захотелось плакать. Он вышел в другую комнату, походил из угла в угол, включил телевизор. Все-таки здорово, что в каникулы днем показывают фильмы! Заглянул папа.

— Сделай звук потише. А еще лучше — выключи совсем. Маленькая уснула.

Подумаешь, уснула! Чем ей мешает телевизор в другой комнате! Какие нежности! Витя нажал кнопку, экран потух. Ну и пусть! Он взял с полки «Трех мушкетеров», устроился поудобнее на диване, но и почитать ему не дали.

— Сбегай в аптеку, — входя в комнату, озабоченно сказал папа. — Вот тебе список, купи все, что в нем указано. А я побегу в магазин и в булочную!

Витя пробежал глазами список: вата, соски, бутылочки...

— Папа, я не хочу идти покупать соски! — недовольно протянул он. — Давай, я лучше сбегаю за хлебом!

— Как тебе не стыдно! Это же для маленькой!

Как будто кто-то подумает, что соски нужны для него, для Вити!

За ужином Витя сидел на обычном своем месте, рядом с мамой, рассказывал ей о своих делах, папа хвалил его, называл помощником и молодцом, и он совсем забыл, что в соседней комнате находится еще один новый член семьи!

— Давайте решать насчет имени, — вдруг сказала мама. — Сколько можно называть дочку «маленькая»!

Значит, мама все время помнила о ней!

— Так вроде бы решили — Ирочка. Хорошее имя. — Папа посмотрел на Витю. — Тебе нравится, сын?

Нет, ему совсем не нравилось. Самую вредную девочку в его классе звали Ирккой Кузнецовой! Чтобы его сестру тоже так называли? Ни за что! Он так и заявил:

— Ни за что! Не нравится. Плохое имя!

— Да? — удивились дружно родители. — А какое тебе нравится?

Витя на минуту задумался, мысленно увидел светлые косички и голубые глаза Маши Семкиной, своей соседки по парте. Ни у кого в классе больше не было таких косичек

и таких разноцветных шариковых ручек! И она всегда одалживала их Вите, когда требовалось что-нибудь подчеркнуть красным или зеленым. Никогда не жадничала.

— Мне нравится имя Маша, — твердо выговорил он. — Очень хорошее имя!

Родители переглянулись. Потом мама кивнула головой и весело сказала:

— Правда, прекрасное имя Машенька! Ты как считаешь, отец?

— Если Витя желает, чтобы его сестру звали Марией, то кто же может возражать, — несколько даже торжественно произнес папа. — Вопрос решен.

В это время из соседней комнаты послышался плач.

— Машенька проснулась, — рассмеялась мама. — Ей тоже пора ужинать.

Она убежала. Витя посмотрел ей вслед, впервые не чувствуя ревности, словно, придумав сестре имя, он подарил ей право на мамино внимание и заботу.

Шли дни. Витя все ждал, что начнется прежняя его жизнь, когда все свое свободное время папа и мама проводили с ним, когда они ходили все вместе в кино, в планетарий, в зоопарк... Вечерами сидели за столом, и папа учил Витю переплетать книжки или играл с ним в шахматы, и мама читала вслух веселые стихи... А иногда они втроем играли в лото или в «Эрудит»... А теперь ничего этого не стало.

Маленькая Маша заполняла дни целиком: то ее кормили, то с ней гуляли, то ее купали... А когда она спала, мама стирала, гладила, и совсем не находилось у нее времени для Вити. И у папы тоже. Папа часто стал сердиться на Витю за всякие пустяки — раньше он и внимания на них не обращал: то телевизор включен слишком громко, то зачем ребята пришли целой гурьбой, а куда им было идти, если только у Вити дома есть шарик Рубика — не кубик, кубик теперь есть у всех, а шарик! И особенно рассердился папа за котенка, которого Витя подобрал на лестнице: такой хороший, полосатый котенок, совсем крошечный! Котенка пришлось отдать соседке, а Витя очень обиделся на папу.

Изменить что-либо казалось невозможным. Это была совсем новая жизнь, не такая, как прежде, и у Вити было

в ней другое место. Часто, глядя, как суетятся мама и папа вокруг сестренки, Вите казалось, что он никому не нужен, лишний, только мешает. В такие минуты ему хотелось куда-нибудь убежать, и он спешил во двор или усаживался за книгу.

— Что-то ты неважно выглядишь? — озабоченно сказала как-то мама, всматриваясь в потускневшее, без обычного оживления лицо сына. — Пошел бы погулял!

— Я уже гулял сегодня, — ответил мальчик. И, помолчав, нерешительно добавил: — Мам, а давай сходим с тобой в цирк. Мы так давно никуда не ходили вместе!

— Витя, но ты ведь сам должен понимать... — укоризненным тоном начала было мама и запнулась на полуслове: темные глаза сына выражали самое настоящее страдание и у нее сжалось сердце от любви и жалости.

Она села рядом с Витей, прижала его голову к своему плечу. Они посидели молча, потом мама негромко заговорила:

— Понимаешь, я как раз хотела попросить тебя помочь. Столько дел, мне одной просто трудно управиться!

— Тебе папа помогает, — сказал Витя, не шевелясь, чтобы даже ненароком не отодвинуться от мамы.

— Папа мало бывает дома, он занят на работе. Ты тоже занят, я понимаю, но иногда...

Мама говорила серьезно, как с большим, и Витю охватило желание прийти ей на помощь сейчас же, немедленно.

Она продолжала:

— Конечно, третий класс — не шутка, и у тебя еще общественная работа...

Витя поспешно прервал:

— Нет, нет! Я могу помогать! Я могу, сколько хочешь...

— Спасибо, сынок! Только так, чтобы не в ущерб твоим занятиям, да? Столько забот с малышами, сам видишь. И днем, и ночью. Я так устаю.

— Маша еще маленькая, ничего не понимает, — великодушно сказал Витя. — Подожди, скоро подрастет!

Мама рассмеялась:

— Да, совсем скоро. Но пока-то она не может обойтись без нас, правда?

Она ушла кормить дочку, а Витя, ощущая прилив энергии, осмотрелся вокруг, чтобы приняться за дела. Сначала он навел порядок на письменном столе и на своей книжной полке, что обычно делал лишь после неоднократных напоминаний. Потом снял с веревки в кухне просохшие пеленки и распашонки и после некоторого колебания, по собственной инициативе принялся за гладку.

Он старательно и неумело водил утюгом по белью. Справиться с пеленками оказалось не так уж и трудно, но когда очередь дошла до кофточек и чепчиков... Он вдруг с ужасом увидел, что розовые ленточки чепчика сначала сморщились, потом исчезли совсем, превратившись в какие-то бесформенные комочки.

— Мама! — отчаянным голосом закричал он. — Скорей!

Прибежавшая на крик мать моментально оценила обстановку: сложенные неровной стопкой глаженные пеленки, следы от расплавившихся капроновых ленточек, растерянное лицо сына...

— Ничего страшного не произошло, успокойся, — весело сказала она. — Подумаешь, ленточки расплави-

лись! Новые пришьем. А за глажку спасибо тебе большое! Я немножко подремала возле Машки.

Витя с облегчением вздохнул:

— А я смотрю — только что были ленточки и вдруг их нет! Даже испугался! А пеленки гладить, оказывается, очень даже легко, я всегда могу.

— Ты мне сегодня еще одно дело помоги сделать: выкупай Машеньку вместе со мной. Папа поздно придет, а одной мне не управиться.

Вообще-то Витя собирался вечером встретиться с Сережей и поиграть в хоккей, но если он так нужен маме, то, конечно...

И как ни странно, в эту минуту ему самому предстоящее купание показалось важнее и даже интереснее, чем игра с ребятами.

Купать сестренку и в самом деле оказалось очень забавно. Мама его предупредила:

— Ты меня слушайся и делай сразу, что я буду говорить!

Машенька лежала в белой ванночке и вертелась на маминой ладони. Другой рукой мама чуть-чуть намыливала ее и поливала водой. А Витя, как и было условлено, выполнял мамины команды: «Дай мыло. Держи губку. Приготовь пеленку». Тут и вправду одному человеку было не управиться.

Когда купание закончилось и мама села кормить Машеньку, Витя прибрал в ванной, разложил и развесил все по местам и почувствовал, что устал. Но это была приятная усталость, окрашенная сознанием значимости и важности проделанной работы.

Как и раньше, по утрам Витя отправлялся в школу, потом делал уроки, гулял, помогал маме. Внешне все выглядело как раньше, но сам он ощущал себя теперь совсем другим: взрослее, серьезнее. В его отношении к маме стало больше рыцарской готовности в любую минуту прийти к ней на помощь, даже чувства покровительства. И с папой он подружился по-новому. «Мы — мужчины!» — говорил папа, и Витя с гордостью понимал, что они оба принадлежат к одному клану — сильному и мужественному. «Они — женщины!» — говорил папа, имея в виду маму и маленькую Машу, и Витя с нежной снисходитель-

ностью соглашался: конечно, они женщины, они слабее, им надо помогать, их надо защищать.

Теперь он запросто мог простирнуть и прополоскать пеленки, погладить белье, не рискуя расплавить ленточки или кружева, — наука оказалась нехитрой. Охотно оставался с сестренкой, если маме надо было ненадолго отлучиться. А если Маша принималась плакать, брат давал ей бутылочку с водой, и она, смешно причмокивая, начала сосать и успокаивалась.

Ему было просто смешно вспоминать, что недавно он считал себя лишним и обиженным! Да что бы родители делали без него, без Вити! Никогда бы им не справиться вдвоем с Машкой! Он сам, собственными ушами слышал, как мама сказала папе: «Золотой у нас парень! Хорошо бы Машка такой же выросла!» Конечно, Маша вырастет такой, уж он, брат, позаботится об этом.

...Часов в семь вечера зашел Сережа, позвал Витю:

— Айда, шайбу погоняем!

Витя вздохнул:

— Сегодня не могу. Папа поздно придет, а нам Машку купить.

— Да брось ты! Загордился! Подумаешь, старший брат!

Витя чуть снисходительно посмотрел на приятеля:

— Много ты понимаешь! Брат — это когда только играют вместе, а я Машку ращу вместе с папой и мамой. Значит, я младший папа!

Прежде чем погасить свет, Витя прищурившись посмотрел на коврик: здесь — слон, а здесь какая-то рожица, похожая на Машеньку, с завитком на лбу. Витя засмеялся, уткнулся в подушку и сразу же заснул крепко и спокойно.

Вот такая незатейливая и даже на чей-то взгляд несколько сентиментальная история, увиденная глазами восьмилетнего мальчика. Но таится в ней несколько опасных нравственных моментов. Один из них, как говорится, на виду: ревность старшего к младшему.

Ревность такого рода совсем не безобидна. Если ее вовремя не погасить, она укрепляется в душе ребенка прочно и потом искоренить ее бывает довольно затруднительно.

Второй момент — чувство заброшенности, ощущение своей ненужности, которые возникли у мальчика, когда родители занялись исключительно маленькой дочкой.

Понятно, что новорожденный устанавливает свой режим времени. Понятно взрослым. А детям?

Нельзя утешать себя тем, что это ненадолго, по необходимости, что пройдет год, два, малыш подрастет и все встанет на свои места... Время — категория условная, то, что взрослым кажется «недолго», для ребенка растягивается бесконечно. И его переживания могут привести к нравственному отчуждению от семьи.

В семье, о которой было рассказано, с опасностями справились благополучно, нашли самый верный выход: сделали старшего сына своим помощником и союзником. А вот в следующей истории с аналогичным сюжетом события разворачивались по-иному.

ДЕВОЧКА ИЗ СКАЗКИ

Тот день на даче в разгар лета запомнился Вале удивительно отчетливо.

Она играла с серым плюшевым мишкой — самой любимой своей игрушкой. Неподалеку от нее на дощатом столе бабушка мыла ягоды в миске. Ягоды были красные, мисочка белая, блестящая. В гамаке тихонько покачивалась мама, такая красивая, в нарядном платье без рукавов, и одной рукой она придерживала коляску, стоящую рядом. В коляске лежала Милочка, новая Валина сестренка.

Пахло нагретой солнцем травой, жужжали мухи над сладкими ягодами, и все вокруг было так ясно, так спокойно.

Чуть стукнула калитка. Это пришел сосед по даче, старый доктор Фрумер, который всегда лечил Валу, если у нее болело горло. Валя несколько его не боялась и весело побежала доктору навстречу.

— Здравствуй, здравствуй! — сказал доктор и погладил Валу по каштановой челке.

Он поздоровался с бабушкой и подошел к гамаку. Мама приподнялась, хотела встать.

— Лежите, лежите! Отдыхайте после трудов. А я взгляну, кем вы нас ошастливили, — сказал доктор.

Он ловко вынул из коляски ребенка и приподнял его на своей большой ладони. Мама сделала испуганное движение.

— Не беспокойтесь! Цело будет ваше сокровище. Видите, как устроилась.

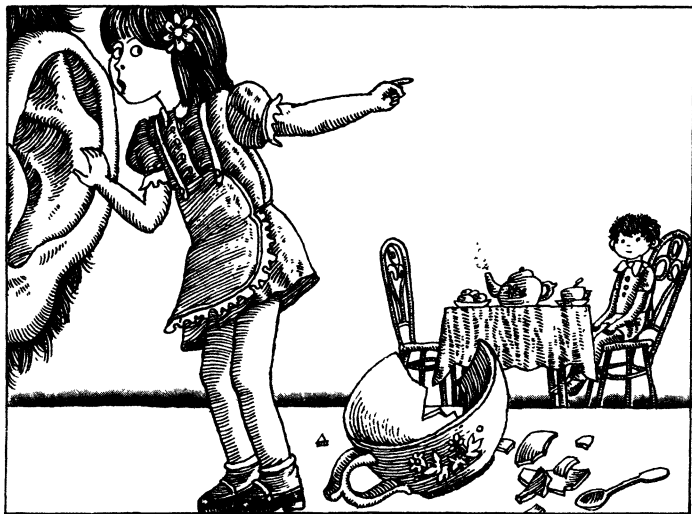
Милочка лежала на докторской ладони, словно ей было очень удобно. Старый Фрумер окинул внимательным взглядом беленького ладного ребенка с золотящимися на солнце волосиками и негромко, ласково сказал:

— Девочка из сказки!

Он передал Милочку маме, и Валя услышала счастливый мамин смех. Она тоже засмеялась, запрыгала по траве, ухватилась за гамак, чтобы раскачать его посильней. Но мама крикнула:

— Перестань! Разве ты не видишь, что я держу Милочку!

Валя не сразу поняла, почему Милочке тоже нельзя качаться посильней, и продолжала тянуть край гамака.

— Кому я сказала?

Сердитый голос и строгий мамин взгляд испугали Валю. Она отошла и прижалась к бабушкиной юбке. Но бабушке было некогда, и она нетерпеливым движением отодвинула внучку:

— Не мешай! Иди поиграй!

Валя опять взяла серого мишку, присела под маленькой елкой и оттуда смотрела, как мама кормит грудью сестренку, как бабушка процеживает сквозь сито кисель и о чем-то разговаривает с доктором. На нее никто не обращал внимания, только серый мишка таращил свои круглые пуговичные глаза, но ему все равно на кого было смотреть — на небо, на дерево или на Валю. Почему Вале показалось, что солнце светит не так ярко и даже мухи тише жужжат над столом?.. Ей было пять лет.

Милочка росла и с каждым днем становилась все больше похожа на «девочку из сказки», как назвал ее доктор. Голубоглазая, с маленьким ярким ртом, с золотыми локонами. Когда с ней гуляли, мальчишки прыгали вокруг и кричали: «Мальвина! Мальвина!» В самом деле, на иллюстрациях к «Золотому ключику» аккуратная подружка Буратино очень походила на Милочку.

Дома постоянно говорили о красоте девочки, особенно мама. Она подолгу расчесывала золотые кудряшки младшей дочки — это была нелегкая процедура: волосы путались, сворачивались в колечки. Милочка кричала, вырывалась, а мама говорила Вале: «Ты отвлекай ее. Рассказывай что-нибудь или пой». Валя добросовестно старалась развлекать сестренку, но это не всегда удавалось.

Расчесав дочке волосы, мама завязывала на них большой голубой бант и отправляла девочек гулять. Когда они возвращались с прогулки, мама подробно и ревниво расспрашивала Валю: кого встретили, кто что сказал. И Валя старательно пересказывала все комплименты по адресу Милочки.

В семейном альбоме фотография тех лет: две девочки — одна из них, разряженная, как кукла, с капризным выражением очаровательного личика, сидит на высоком стуле, скрестив ноги в светлых ботиночках. Вторая, старшая, стоит рядом, прижимая к себе смешного беспородного щенка. Она в нелепом платье, обута в большие, явно

не по ноге, кеды, грустно смотрит в объектив. На обороте фотографии надпись, сделанная маминой рукой: «Милочка и Валя. Лето в Сиверской». Девочкам пять и десять.

В то лето Валя впервые задумалась: почему все лучшее отдается сестренке? Нарядные платья и мамины нежные слова, игрушки и ласки...

Однажды Валя сидела за столом, рисовала, Милочка крутилась тут же, мешала, потом потянула рисунок к себе: «Дай!» — «Подожди, пусть высохнет!» — «Нет, дай!» Старшая рассердилась, отпихнула руку. Какой поднялся визг! «Мама, она меня бьет!» — кричала маленькая интриганка. Мама прибежала из кухни, принялась восстанавливать «справедливость», ругала старшую... Валя поймала взгляд Милочки, злорадный, насмешливый. Она все понимала.

В двенадцать лет на собственном опыте испытать, что «нет правды на земле», что в любом случае окажешься виноватой ты, очень горько.

Младшая дочь царил в семье единовластно. Мама и бабушка служили ей верно и иступленно, папа в домашние дела не вмешивался, а уж тонкости внутрисемейных отношений его тем более не интересовали. Так и шло.

Однажды Валя услышала, как соседка сказала маме: — Знаешь, не роди ты Валюшку при мне, поклялась бы, что ты ей мачеха!

Валя не запомнила, что мама ответила, но помнит, что она удивилась: почему мачеха? Мачеха заставляет падчерицу работать с утра до ночи, бьет, обижает, а ее мама ничего такого не делает, но обидно почему-то стало.

Порой мать словно спохватывалась, что несправедлива к старшей дочке, тогда шила Вале новое платье — она сама обшивала девочек, — покупала билеты в театр, а однажды принесла даже билеты на «Евгения Онегина» и сказала, что сама пойдет с Вале. Милочка попробовала устроить очередной скандал, но мама непреклонно заявила, что на этот раз она останется дома с бабушкой, до оперы «Евгений Онегин» еще не доросла, а Вале уже тринадцатый год...

Спектакль стал для Вали праздником! Ей нравилось все — музыка, певцы, декорации. А главное, она сидела рядом с мамой, и мама разговаривала с ней ласково и спокойно.

В антракте, пробираясь следом за мамой к своему месту, Валя услышала за своей спиной негромко сказанные слова: «Славная девочка, просто прелесть!» Она оглянулась, чтобы увидеть ту, про которую это сказано, но увидела повернутые к ней лица двух нарядных женщин. Они смотрели прямо на нее и улыбались ласково и доброжелательно. На нее? Невероятно!

Валя села рядом с мамой, погас свет, и начался последний акт оперы. Но все стало другим для Вали: музыка играла только для нее и Евгений Онегин пел о своей любви не к Татьяне, а к ней, к Вале...

Дома, в бабушкиной комнатке, где стояла и Валина кровать, девочка подошла к небольшому зеркалу, стоящему на тумбочке. Обычно, собираясь в школу, Валя смотрелась в него — ровно ли завязан пионерский галстук, не торчат ли волосы в стороны... Теперь же она, с робостью всматриваясь в свое изображение, видела круглое личико с блестящими глазами, знакомое и незнакомое.

Проснувшись на следующее утро, она не сразу поняла, что же случилось хорошего. Потом вспомнила и счастливо улыбнулась. И в школе все было прекрасно, и учителя объясняли уроки особенно интересно. И дома она быстро справилась со своими делами, поиграла с Милочкой в настольный бильярд, не обращая внимания на ее обычные задиристые словечки. «В конце концов, я старшая», — непривычно снисходительно подумала Валя.

А вечером пришла к бабушке ее приятельница, пили чай, Валя рассказывала про вчерашний спектакль, и гостья заметила, глядя на оживленное лицо девочки: «А Валюшка-то ваша прямо цветочек!» Валя вспыхнула от неожиданности и радостного смущения. Но бабушка спокойно возразила:

— Что вы такое говорите! Это Милочка у нас красавица, а Валя лицом не вышла! — И тут же, спохватившись, добавила: — А девочка она у нас неплохая, это правда.

Валя выбежала из-за стола и в бабушкиной комнате, уткнувшись в подушку, расплакалась...

Такая вот грустная история.

Конечно, красивый ребенок радует глаз. Но создавать в семье культ его красоты, когда рядом растет еще один ребенок, особенно девочка, недопустимо. Даже намека

не должно быть на превосходство одной над другой, даже полнамека. Наоборот, если уж существует явное различие, родителям следует проявлять особую осторожность и тактичность.

Дети рано начинают чувствовать красоту, в том числе и внешнюю красоту человека. Им не надо говорить, что у Наташи удивительные глаза, синие, как небо, а у Гали чудесные косы, — сами видят. И замечают невольные улыбки взрослых, обращенные красивому ребенку. И слышат неумеренные комплименты, от которых не считают нужным воздерживаться те же взрослые.

Родителям приходится самим восстанавливать равновесие, чтобы ребенок, менее щедро одаренный природой, не почувствовал даже малейшей ущербности по сравнению с братом или сестрой.

А ведь случается, увы, случается не так редко, что привлекательность ребенка так распаляет материнское тщеславие, что мать теряет всякое чувство меры, как это произошло в семье, где росли Валя и Милочка.

Простая истина, известная каждому, даже повторять неловко, — детей надо учить только хорошему. Чему их учат родители, раздувая тщеславие, воспитывая зависть, сея неприязнь? Поддаваясь своим сиюминутным эмоциям, как-то упускают из виду возможную реакцию детей, а уж о последствиях и вовсе забывают. И нечего тогда удивляться, что дочери и сыновья вырастают эгоистичными, недобрыми, равнодушными или, наоборот, чрезмерно ранимыми, обидчивыми. И у тех и у других в душе свой счет к родителям, и не на пустом месте он появился.

Часто ли мы задумываемся, как выглядим в глазах своих детей? Относимся к ним по-разному, но ведь хотим, чтобы они одинаково любили нас, уважали, видели в нас образец для подражания и ныне, и в будущем. Вправе ли рассчитывать на это те, кто не раз и не два, а долгие годы дают своим детям уроки пристрастности и несправедливости?

Мать Милочки, вложившая, как она сама считает, «всю душу» в дочку, страдала: почему та относится к матери совсем не так, как мать заслужила. И в голову не приходит, что Милочкино неуважение, даже грубость, следствие отношения матери к старшей сестре. Сколько раз видела

обожаемая младшая дочка свою мать не в самом привлекательном облики — резкой, пристрастной, несправедливой. Улыбка — младшей, окрик — старшей, снисходительность и тут же несправедливость... Все, как говорится, играет на образ. Художник, рисуя портрет, не вбирает только голубые или розовые тона, он использует всю палитру красок. И не запретишь ему пользоваться, к примеру, охрой или умышленно не замечать черного цвета.

Дети видят нас такими, какие мы есть. Бесполезно надеяться, что они не заметят «охры» или «черной краски», если таковые в наличии имеются. Так же, как не скроешь от художника цвет своих глаз или волос.

Мы любим своих детей и хотим, чтобы они нас любили. Всегда. За все.

Не выходит. Можно рассуждать, справедливо это или несправедливо, но любовь собственных детей приходится заслужить. Можно возмущаться: «Только подросли, только стали немного соображать, еще молоко на губах не обсохло, а туда же, критически оценивают родителей! Неблагодарные!»

Да нет, может, и благодарные, во всяком случае, должны быть благодарными, но благодарность — не любовь. И жалость — не любовь. И снисходительность. А мы хотим любви.

Но по-настоящему любят тех, кто нравится, кем гордятся, восхищаются.

Допустим, «нравится» не слишком удачное слово в данном случае, а как еще сказать? Ну надо, надо, чтобы мы нравились своим детям. Чтобы постоянно они видели нас «в форме»: порядочными, честными, добрыми, справедливыми.

ОНИ РАЗНЫЕ

Сплошь и рядом у детей в одной семье разные темпераменты. А темперамент, то есть природные свойства нервной системы, присущ не только взрослым, но и детям. Может быть, несколько комично звучит: «Вовочка — типичный холерик!» — а Вовочке еще не исполнилось пяти лет, но тем не менее это так. И повышенная эмо-

циональность, возбудимость, устойчивые настроения — все, что характерно для натуры холерика, у пятилетнего малыша налицо.

Мама, негодующая на неповоротливость семилетней дочки, просто не знает, очевидно, что у меланхоликов замедленная реакция, спокойные неторопливые движения и ее уравновешенная, медлительная девочка, судя по всему, обладает именно меланхолическим темпераментом.

Сангвиник, с его быстрой сменой настроения, живой реакцией на все, неустойчивыми чувствами, может еще ходить в детский сад, а флегматик, неторопливый и спокойный, учится писать первые буквы.

Эти природные свойства нервной системы в определенных пределах могут быть изменены под влиянием воспитания и обучения. И семейной обстановки. Но только в определенных пределах. Не учитывать темперамента нельзя. Нельзя требовать от ребенка, склонного, к примеру, к флегматизму, такой же быстроты реакции, как от холерика.

Как бы ни старался Алеша выполнить строгий мамин наказ не сидеть с уроками больше часа — он его не выполнит, не в состоянии выполнить. Ему для этих уроков нужно полтора, а то и целых два часа. И бесполезно на него кричать и ставить в пример Костю, который с домашними заданиями управится за полчаса, — все равно Алеша за час не управится.

Но можно научить Алешу работать организованно, аккуратно, не отвлекаясь, научить его сосредоточиваться — это всегда ускоряет работу. И все равно, при прочих равных условиях, Костя сделает работу быстрее, чем Алеша, потому что природа наделила его более живым темпераментом.

Что лучше? Что хуже? Вопросы неправомерные, все равно что спросить, какой цвет глаз приятней. Что есть, что дано.

Наверное, взрослый человек, сангвиник по натуре, не станет кабинетным работником, а меланхолик, с его замедленной реакцией, не изберет для себя профессию циркового акробата. Но кто помешает избрать для себя дело по душе, по натуре?

Темперамент и способности — не одно и то же. Девочка, огорчающая маму своей неповоротливостью, может удивить ее яркими математическими или музыкальными способностями. А Костик, быстрее всех в классе справляющийся с домашними заданиями, может отличаться полным отсутствием интереса ко всему, кроме дискотеки.

Разные темпераменты у детей в одной семье — совсем неплохо, даже иногда лучше, чем одинаковые. Скажем, когда два сангвиника растут рядом, ссор и драк не оберёшься. Лучше при условии, когда родители понимают и учитывают особенности натуры своих детей — иначе им не подобрать к ним заветного ключика, не найти индивидуального подхода. Это дело тонкое, трудное и очень ответственное.

Равенство в семье должно быть, но не следует стремиться к абсолютному равенству, не зависящему от индивидуальности ребенка.

КОМУ ДАТЬ КУРИНУЮ НОЖКУ?

Ни в коем случае нельзя сводить равное отношение к детям к равенству потребительскому, оно само по себе ничего не решает. Можно поровну делить между детьми вещи, игрушки, лакомства, но при этом обделять одного из них любовью и вниманием, и тогда он все равно будет чувствовать себя не на равных с братом или сестрой. Но все же не стоит забывать, что внимание к детям постоянно проявляется и в чисто внешних мелочах, порой незначительных. Но и крохотные соринки и песчинки, накапливаясь, могут составить довольно увесистый булыжник, который и ушибет, и поранит больно.

В романе Веры Пановой «Спутники» описана сцена в семье доктора Белова. За столом сидят отец, мать, дочка Ляля и сын Игорь. На обед у них вареная говядина. Ляля любит мозговую кость, и Игорь любит мозговую кость. И всегда почему-то эта кость достается Игорю. И на этот раз она тоже досталась ему.

«А нельзя ли, — сказал доктор негромко, — дать сегодня, в виде исключения, мозговую кость Ляле?»

Мать сделала вид, что не слышит, а Ляля весело сказала: «Ну что ты, папа! Пусть Игорек ест, я уже большая!» Сын поднял голову от тарелки и задумчиво, с циничным любопытством посмотрел отцу в лицо. Потом спокойно принялся выковыривать мозг из кости.

Кому у вас в семье достается эта «кость»?

У нас, например, было установлено раз и навсегда: кость клали на отцовскую тарелку, и мы, дети, могли получить только из отцовских рук малюсенький, нежно-жирный кусочек ее содержимого.

Теперь вместе с непререкаемой отцовской властью, вместе с каждодневными поздними общими обедами, после возвращения с работы взрослых ушел и обычай первый и лучший кусок уделять главе семьи. Уже давно все самое лакомое, вкусное, самое питательное отдается детям.

Хорошо ли это, плохо ли, не берусь судить — сама так поступала. Мне, как и другим, и в голову не приходило, что можно по-другому. Впрочем, не станем отвлекаться. У всех так или почти у всех, вот и будем исходить из таких условий.

Так кому же все-таки из двух детей вашей семьи чаще достается мозговая кость, кусок торта с розочкой из крема или куриная ножка?

— О чем толковать? — пожала плечами одна мама. — Младшему всегда даешь кусок получше.

— Обязательно стараюсь оделить детей одинаково! — сказала вторая.

— Как придется! — призналась третья. — Только так, чтоб без обиды...

Как не подсунуть лучший кусочек младшему! И хорошо всегда оделять детей поровну, но самое важное условие высказала третья мама: так, чтобы без обиды. То есть чтобы один не почувствовал себя обделенным, а другой — привилегированным.

Выходит, совсем не такой простой и вовсе не риторический вопрос: «Кому дать куриную ножку?» И сам по себе, изолированно, как и любой вопрос, касающийся воспитания ребенка, он не решается. Если мать, как жена доктора Белова, постоянно стремится угодить одного из детей, это будет выглядеть явным пристрастием и

не может не затронуть чувства второго ребенка. А если по-другому?

— Я хочу ножку-у... ножку-у — канючит за столом пятилетний Костик. — Не буду крылышко.

Его семилетний брат, Саша, смотрит молча на маму: как она решит? Костик и вчера получил что хотел, и позавчера. Конечно, мама может сказать строго младшему: «Будешь есть что дают!» Но она-то знает, как плохо ест Костик, какая это мука его накормить, а злосчастную ножку он хоть погрызет немного. Мама смотрит на старшего сына, заговорщицки подмигивает ему: «Сашенька, дадим ему эту ножку, а? Сам видишь, какой он у нас худющий, прямо кощей!» Саше приятно, что мама разговаривает с ним, как с большим, как с союзником, который все понимает. «Дай ему ножку — великодушно разрешает он. — Я сам хочу крылышко». Да не только крылышко — что угодно можно съесть с радостью под одобрительным и ласковым маминым взглядом.

Тем, кто скажет, что, мол, заелись, об одной курятине толкуете, объясняем: и ножка, и крылышко в данном случае всего лишь символы. С таким же успехом речь может идти и о куске хлеба с маслом или повидлом, яблоке и груше, вообще, о чем угодно.

Не всегда можно разделить лакомый или по каким-то причинам особо желанный кусок поровну, да и не надо обязательно стремиться к такой уравниловке. Просто не стоит забывать о подобных мелочах, и тогда ваше слово, ваша улыбка все уравновесит. И при первой возможности постарайтесь восстановить справедливость.

Это же правило касается вещей даже необходимых. Надо купить ботинки или платье старшей дочке? Лучше не делать этого молча. Вы-то сами понимаете необходимость такой именно покупки. А дети? Пусть и они поймут, чтобы неясностей не возникало.

«Да-а, Ленке купили кофту, а мне так нет!» — расстраивается младшая сестренка счастливицы, получившей обновку. Мама терпеливо объясняет: «А тебе купим свитерок в следующий раз. Вот получим деньги и купим.

Или: «Олежке все покупаете: и кроссовки, и костюм, а я прошу велосипед, никак не могу допроситься!» — «Ты знаешь, что Олег едет в спортивный лагерь, ему там

все это понадобится. Оденем его, потом начнем копить деньги тебе на велосипед!»

Уверена, что следует почаще разговаривать с детьми о разных бытовых проблемах и вопросах, хотя некоторые родители считают, что вовсе ни к чему втягивать детей в орбиту материальных забот. «Что надо — сами знаем, сами купим, сами решим!» Но, право же, лучше и полезней для всех, когда и такие вопросы обсуждаются на семейных советах.

Сторублевые джинсы и трехсотрублевый магнитофон стали у многих и многих тоже предметом необходимости, и нет в этом крамолы, если покупаются они на деньги, заработанные честным трудом, то есть на такие деньги, о которых детям знать не зазорно. Пусть дети знают (конечно, не с пеленок, а с возраста, когда в состоянии понять) семейные доходы, тогда и требования свои и желания невольно будут примерять к этим доходам. Так что для болезни благополучия, которой присвоили название «вещизм», есть неплохое лекарство.

Ужасно, когда при обновке одному загораются завистью глаза другого... потушите этот недобрый огонек поскорей. Зависти не должно существовать между детьми — если она есть, расценивайте ее, как сигнал семейного неблагополучия.

Когда дети привязаны друг к другу, когда старший чувствует ответственность за младшего, а младший ценит мнение старшего — зависти быть не может.

Мне вспоминается эпизод из моей собственной жизни.

Тогда еще не было в продаже нейлоновых или, точнее, болоньевых курток, таких, какие сейчас видишь чуть ли не на каждом мальчике, каждой девочке. Единичные владельцы этих ультрамодных курток вызывали внимание и зависть. Мои сыновья тоже поглядывали на красивую одежду без особой надежды когда-нибудь заполучить такую же. А тут мужа командировали за рубеж, и, подсчитав приблизительно деньги, которыми он сможет располагать, он пообещал по возможности на одну куртку выкроить. Когда наш отец вернулся, после того как все успокоились, мальчики с повышенным интересом наблюдали за тем, как распаковывались вещи. Какой был восторг, когда отец достал из чемоданных недр куртку

умопомрачительного болотного цвета и протянул ее старшему сыну! Никогда не забуду, как прежде чем взять в руки такую желанную вещь, старший посмотрел на брата, и в его взгляде было извинение, неловкость... Но младший в ту же секунду принялся исполнять какой-то дикий восторженный танец, выкрикивая: «Ура! Мишке привезли куртку!» Потом, схватив обновку, стал натягивать ее на брата. Куртка сидела идеально. Ни тени зависти, ни тени недовольства не заметила я на лице Мити. Для себя он не ждал ничего, так как само собой подразумевалось, что на две куртки денег не было. Старшему, уже шестнадцатилетнему, куртка естественно была нужней.

И вдруг, как фокусник, отец запустил руки в чемодан и вытащил оттуда... вторую куртку, для младшего... Что творилось! Теперь уже танцевал старший.

Я смотрела на мальчиков и думала, что не зря прожила все годы до этой минуты. Нет, не зря!

И другой эпизод.

При мне собирались увезти в больницу двенадцатилетнюю дочку моей соседки по дому. Пока мы ее собирали, старшая сестра больной спокойно занималась своими делами, читала, разговаривала по телефону... Врач сказал, чтобы на ноги больной надели какие-нибудь просторные теплые ботинки: ноги опухли и ее собственные не налезали. Мать девочек, моя соседка, обратилась к старшей дочке: «Мариша, ты не дашь свои сапожки?» Меня поразили робкие просительные интонации, с которыми она это сказала. Но еще больше я поразилась, когда Мариша без тени смущения ответила: «Они мне сегодня понадобятся! Найди что-нибудь другое». Лицо врача залилось краской, он уже открыл рот, чтобы сказать что-то резкое, но мать умоляюще затрясла руками: «Пожалуйста, одну минуточку, у меня есть свои сапоги очень теплые... Как раз то, что надо...»

И я подумала: а ведь, наверное, эта Мариша всегда за обедом получала куриную ножку.

КАК КОШКА С СОБАКОЙ

Когда в семье дети постоянно враждуют между собой, это удручает и огорчает родителей. Мать братьев Ру-

даковых так и сказала: «Невыносимая жизнь. Ни минуты покоя. Мальчишки вместе минуты пробыть не могут, обязательно подерутся. Просто, как кошка с собакой!»

Попробовала я ее успокоить, шутливо заметила, что и кошку с собакой можно подружить, если растить их вместе. Но Рудакова шутки не приняла: «Для этого надо быть, наверное, дрессировщиком, а мы с мужем — обыкновенные люди!» И на мое возражение, что ведь и у них не зверята, а дети, раздраженно заметила: «Дети, дети! И не малыши, второй и четвертый класс, могли бы уж что-нибудь соображать...»

Мне пришлось выслушать горестный рассказ, что незадолго до моего прихода старший мальчик, Вадик, увидел свою книжку в руках брата, стал вырывать, тот не отдавал, порвали страницы, помяли переплет, а книжка библиотечная, что теперь делать?

— Книжку надо склеить.

— Я не о том. С мальчишками что делать? Старшему я уже дала подзатыльник, ничего не стало бы с его книжкой из-за того, что Юрка ее смотрел. Но, может, и младшему стоило? Тоже ведь вредина, ни в какую не отдавал. Да это еще что...

Эпизоды, о которых поведала мне мама братьев Рудаковых, могли бы составить семейный учебник под условным названием: «Конфликтные ситуации: задачи и решения». Подрались из-за хлебной горбушки, не поделили пачку жвачки, Вадик разрисовал брату физиономию фломастерами, а Юрик насыпал кнопки в тапочки Вадика...

При всем разнообразии конфликтов заканчивались они в семье Рудаковых одинаково: криком, подзатыльниками, слезами... После чего какое-то время шла «холодная война»... до очередного взрыва.

Дети — не ангелы. В большинстве семей, где двое ребят, особенно мальчишек, да еще с небольшой разницей в возрасте, не обходится без ссор, а то и потасовок. Не одна мама вспоминает про «кошку с собакой». Но конфликты конфликтам рознь. Когда они не носят злого характера, не заслоняют все на свете и короткие военные эпизоды чередуются с мирными — не из чего устраивать трагедии. Ну поссорились, помири-

лись, подумаешь. Вмешиваться взрослым в ребячьи недоразумения вовсе не всегда обязательно и даже не всегда полезно. А то привыкнут, что любое столкновение с братом или с сестрой возможно уладить только с помощью родителей, и тогда жалобы, жалобы.

Выработается привычка со всякой чепухой бежать к папе или к маме, стараться привлечь на свою сторону сильного союзника и защитника. Никак не способствует это укреплению дружеских отношений между детьми.

Разумеется, если мать видит, что ее сыновья вцепились в волосы друг другу или беспощадно работают кулаками, она побыстрее разнимет мальчишек, успокоит, пристыдит: «Что же вы, как петухи». Узнать общий, так сказать, характер конфликта, из-за чего сыр-бор разгорелся, стоит, а дотошно выяснять подробности: «Ты что сказал?», «Он что ответил...», «Ты понял...», «А ты не понял...» — стоит ли? Право же, не стоит. Никакой пользы драчунам не принесет, только подольет масла в огонь, оживит обиду. Не лучше ли объяснить, что таким образом отношения не выясняют и что лично вы подобный способ осуждаете безоговорочно. Что вам за сыновей стыдно, вы огорчены. Тут уж в зависимости от возраста конфликтующих сторон и от тяжести самого конфликта предстоит действовать.

Пусть дети с малых лет учатся налаживать свои отношения сами. Научатся, если не поощрять ябедничество: «А Катя сказала... А Вася сломал...» Услышат в ответ: «Ну, сказала Катя, а жаловаться зачем? Сам не знаешь, что ответить?», «Вася сломал машину? Попробуйте вместе ее починить, я приду, посмотрю...»

Чем раньше научите детей вместе играть, вместе работать, сообща заниматься каким-нибудь делом — тем больше станут они дорожить добрыми отношениями между собой.

Малыши, ссорясь, говорят: «Я с тобой не играю. Я с тобой не вожусь». Точная формулировка! Значит, все: «Ты мне больше не друг, знать тебя не хочу». А восстановление дипломатических отношений идет аналогичным путем: «Я с тобой играю. Я с тобой вожусь».

Больше будут играть и водиться — больше будут дружить.

Общая игра, совместная работа — два обязательных условия в фундаменте детской дружбы.

Побольше общих поручений давайте детям. Пусть роли будут разные: каждый выполняет посильную работу, хоть молоток держит, хоть веревочку, но ведь участвует! И результат: порученное дело выполнено, похвалы достаются обоим (на похвалы скупиться никогда не стоит): «Работники, молодцы!» Какие еще слова в состоянии так сблизить ребят?

И игра. Самые лучшие игрушки те, с которыми можно играть вдвоем, втроем. Хотя для такой цели годится почти любая игрушка. Маленькая дочка нянчит куклу, а ее братишка приходит куклу «лечить». И в солдатики можно играть вместе, и с заводной машиной устроить соревнования...

Играть вместе детей надо научить. Не объяснить им правила игры, не показать, как обращаться с игрушкой, а научить играть: раскрыть возможности игры, подсказать разные ее варианты, как использовать непредвиденные моменты.

...Дети складывают из кубиков высотный дом. Один из строителей неловко повернулся, рассыпал постройку. Второй расстроен. Назревает конфликт. «Какой сильный ветер! — говорит мама. — Все нам разрушил. Теперь постройте такой дом, чтобы никакого ветра не боялся!»

Так создается прецедент. В следующий раз, когда мамы рядом не окажется, он припомнится.

Научить детей играть вместе и дружно можно только одним способом — поиграть с ними хоть иногда, хоть недолго. Это еще и научит ценить партнера и товарища по игре.

Не всегда так просто. Причины детских конфликтов анализируют психологи, учитывая разность темпераментов, несхожесть натур. Не все и не всегда можно изменить. Но мы говорим о том, что родители сделать в силах.

В семье, где царит доброжелательность, нет скандалов, много общих интересов, дети не конфликтуют между собой. Это правило. «Как кошка с собакой» ребята ведут себя в семье, где взрослые не утруждают себя быть сдержанными и не очень заботятся о том, как выглядят в глазах своих близких, своих домашних. Весь уклад жиз-

ни семьи, ее стиль оказывают на детей огромное влияние. Хотят взрослые или не хотят, но все, что они делают, все, что говорят и как говорят, как себя ведут в большом и в мелочах, впитывается детьми, как воздух, которым они дышат, не замечая его.

Сравнительно безобидный пример: в семье кричат. Кричат взрослые по любому поводу, друг на друга и на детей. На таком крикливом фоне нормальный голос не воспринимается, он просто не слышен. Коль родители кричат из-за потерянной пуговицы или сломанной игрушки, то при более серьезной провинности приходится прибегать к проклятиям и оплеухам.

В крикливых семьях ребята неохотно посвящают мать и отца в свои дела, знают во что выльется их вмешательство — крику не оберешься.

В своем детстве я тоже наслушалась крика, больше, чем надо. Поняла, что обо всем, решительно обо всем можно разговаривать совсем по-другому, когда мне было лет десять и у меня появилась новая подруга — Люда Сокольская.

Помню, придя впервые в их маленькую квартирку, я поразились тишине. Людины родители, бабушка, шестилетняя Гуля и сама Люда — все разговаривали непривычными моему уху спокойными, нормальными голосами. Стали выяснять, что случилось, а, выяснив, принялись успокаивать Люду.

«Ох, сейчас Гулька получит», — подумала я, когда, утерев слезы старшей дочке, мама повернулась к виновнице происшедшего. «Сейчас ей наподдадут!» Но мама взяла Гулю за подбородок и заглянула ей в глаза. «Посмотри, как Людочка расстроилась! Разве ты хотела ее так огорчить? Совсем на тебя непохоже. Ты такая добрая девочка!» Гуля разревелась: «Я хотела сделать кукле другую прическу!» — «Почему же ты не спросила у Люды?»

Уж не помню, какие слова там говорились, помню только, как Гуля, прижимая кулачки к груди, жалобно просила прощения у сестры. Та, глядя на облысевшую красавицу, отрицательно мотала головой, не желала прощать такого злодейства. «Я бы на твоём месте простила Гулю, — сказала мать. — Она виновата, конечно, но не со зла так сделала...» И я услышала, как шепнула стар-

шей: «Мне так хочется, чтобы моя большая дочка умела быть великодушной».

Люда простила Гулино прегрешение. И мы, сидя вокруг стола с яркой лампой, совместными усилиями соорудили из ниток парик для пострадавшей куклы. Инцидент был исчерпан.

Как мне хотелось тоже проявить великодушие немедленно, сейчас же!.. Случай представился очень быстро.

Складывая школьный портфель, я обнаружила в своем дневнике следы художественного творчества Люси, моей младшей сестрицы: такие круглые рожицы с длинными, не то заячьими, не то ослиными, ушами рисовала только она. Рисунки в дневнике! Первым моим побуждением было надавать Люське по шее, потом изорвать в клочья все ее вещи, потом... Но тут я вспомнила Сокольских и сразу остыла, тем более что рожицы красовались только на страничках, где наискосок было написано «каникулы».

Художницу я обнаружила за шкафом и притащила ее к маме: «Посмотри, что она натворила!» Я с торжеством раскрыла разрисованный дневник и приготовилась быть великодушной. Но Люська сразу же начала реветь, и мама искоса посмотрела на рисунки, сжав губы, пригрозила Люське пальцем и сердито сказала мне: «Доводишь девчонку исподтишка, вот она и не знает, как выместить. Надоело. Уходите обе с моих глаз!»

Глотая слезы, я стирала ластиком рисунки, а Люська прыгала передо мной и припевала: «А мне ничего не было! А мне ничего не было!» Вот так и кончилась моя первая попытка что-то изменить в нашем семейном стиле отношений.

Особенно убийственно, я бы так сказала, ощущается отсутствие такта, когда постоянно подчеркиваются достоинства одного ребенка и недостатки второго. Можно развить настоящую вражду между детьми. Тут уж дело посерьезнее, чем ссора из-за облысевшей куклы и разрисованного дневника.

Ставить одного ребенка в пример другому считается многими родителями педагогической аксиомой. «Для его же пользы!» — так это называется. «Бери пример с брата!», «Учись, как брат!», «Подражай сестре!» и так далее в таком роде.

Попробуйте взрослого человека начать непрерывно тыкать носом в какой-то образец — он его возненавидит, не сомневайтесь. А дети еще чувствительнее, чем взрослые, и самолюбия у них не меньше, и ранимы они больше, особенно в отрочестве, когда все чувства обострены и вопрос «какой же я?» не дает покоя.

Есть правило без исключений, которое необходимо выработать для себя всем родителям: никогда не оценивать негативно самого ребенка. Критиковать только неверный конкретный поступок. «Ты неспособный. Ты ленивый. Ты глупый. Ты жадный...» Подобные определения следует забыть, вычеркнуть из употребления, вообще из лексикона. Другое дело: «Ты сегодня не справился с работой. Ты могла бы сделать лучше. Ты поступил сейчас неправильно...»

БРАТ МОЙ — ДРУГ МОЙ

Невольно приходит мысль: столько сил, столько нервной энергии затрачивается на ссоры, на примирения, так не лучше ли обратить их на создание и сохранение добрых отношений в своей семье. Чтобы и взрослым и детям легко дышалось и радостно жилось в доме. В конце концов ведь все зависит от нас самих. Мы или создаем или разрушаем — третьего не дано. Разрушать все, что угодно, — супружеские отношения, отношения с детьми и между детьми — можно и без всяких активных усилий: просто занять позицию невмешательства, наблюдателя, и все. Зато созидание всегда требует активности ума и воли.

Наглядное подтверждение тому семья, о которой пойдет речь.

...Стол в кухне стоял здоровенный, на чугунных ножках. Старинный стол. За таким и шестером не тесно, а тут всего четверо, и никак не рассядутся.

— Мама, скажи Андрюшке, чтоб убрал свои ноги.

— Ма, пусть Ленька не расставляет локти, есть мешает.

Мать мальчиков Татьяна Федоровна часто сердилась: «Как не совестно! Отец, скажи им, чтобы прекратили!»

Отец шуткой чаще всего восстанавливал мир, потом выговаривал жене: «Реагируй спокойней. Не акцентируй». Татьяна Федоровна старалась, но у нее не всегда получалось.

На зимних каникулах стряслась беда: Леня упал на катке, сломал ногу. Перелом оказался тяжелым, со смещением, и мальчик почти два месяца пролежал в больнице.

Мать навещала Леню почти ежедневно после работы. «Ты бы почаще брала с собой Андрея, — заметил как-то муж. — Да он и один может ходить к Леньке, а то ты совсем измоталась».

Мать, не споря, кивнула головой, вроде бы соглашаясь, а про себя подумала, что никто, кроме нее, сейчас не нужен сыну, никто так не накормит, не утешит. К тому же Андрею надо заниматься, все-таки уже седьмой класс — ни к чему отрывать его от занятий.

В воскресные дни ходили в больницу всей семьей, рассказывали Лене всякие смешные истории, сообщали новости, говорили, что скучают без него...

Дом без Леньки казался опустевшим, семейные трапезы проходили в тишине, и Татьяна Федоровна как-то, не удержавшись, попрекнула старшего сына: «Вот как просторно сидеть за столом, никто тебе не мешает». Тот не ответил, только глянул на мать укоризненно.

Уже пахло весной, и асфальт проглядывал в проталинах, когда Леню наконец выписали из больницы. Он похудел, вытянулся, ходил с костылями. Но врачи в один голос говорили: «Все обязательно наладится, имейте только терпение».

Однажды, придя с работы, Татьяна Федоровна заглянула в комнату сыновей и замерла: Андрей, усадив брата на плечи, рысцой бегал по комнате и мотал головой, изображая норовистого коня. Ленька громко смеялся и покрикивал: «Но-о! Но-о! Мать схватилась за сердце:

— Что ты делаешь, Андрей? Он же упадет!

— Не упаду, мама! — весело закричал Леня. — Я держусь! Я еду верхом!

Татьяна Федоровна подбежала к сыновьям, осторожно сняла Леню, усадила его в кресло.

— Ты соображаешь, что делаешь! — крикнула она старшему. — А если он упадет — опять все сначала!..

— Я осторожно. — Андрей вытер вспотевшее лицо. — А Ленке скучно...

Вечером Татьяна Федоровна рассказала обо всем мужу, но он отреагировал совсем не так, как она ожидала.

— Ты и виду не должна была показывать, что испугалась за Ленку. Понятно, что Андрей хотел его развлечь. Что ж ты сама ему всякую охоту отбиваешь?.. Не мешай им дружить!

Она удивилась и подавила в себе желание возражать мужу. Неужели она мешает? Смешно, ведь она всей душой стремится к тому, чтобы мальчики дружили.

Шла к концу третья четверть, Лене надо было догонять пропущенное в школе, и родители советовались, как лучше это устроить.

— А можно я буду сам заниматься с Ленкой? — сказал Андрей. — Я могу...

Мать усмехнулась: «Каждый день. Разве ты сможешь?»

— И прекрасно! И конечно сможет! — подхватил отец. — Для Андрея программа второго класса — это же семечки, верно? А Леня не возражает?

— Не возражаю! — с энтузиазмом заявил Леня. — А отметки будешь мне ставить?

— Конечно, буду! — ответил Андрей. — Только уговор: ты меня слушаешься во всем.

Татьяна Федоровна не могла надивиться: ежедневно, возвратясь из школы, Андрей усаживался заниматься с Леной. И как она ни приглядывалась, как ни прислушивалась — не могла заметить ни раздражения, ни криков: мальчики работали серьезно и спокойно. Самое интересное, что младший вечерами охотно повторял родителям пройденное и демонстрировал свои тетрадки с решениями задачек и письменными упражнениями. Когда он ходил в школу, ничего подобного от него добиться не удалось.

— Ну, брат, — сказал как-то отец, — видно, учитель у тебя хороший.

— Да, — блестя глазами подтвердил Леня. — Знаешь как Андрей объясняет! Не хуже чем Мария Михеевна!

Наверное, Андрей и в самом деле неплохо справился со своими добровольными учительскими обязанностями,

потому что когда Леня пошел в школу, то выяснилось, что он совсем не отстал от товарищей.

С каким торжеством принес мальчик дневник с пятерками и четверками!

— А можно... мне Андрюша подпишет? — спросил он у родителей.

— Я думаю, это будет справедливо, — сказал отец.

И когда Андрей медленно и четко выводил фамилию на голубой страничке дневника, мать приложила к глазам платок.

Они не стали идиллическими голубками — они остались мальчишками. И ссоры вспыхивали по каким-то пустяковым поводам, и за столом частенько, как и прежде, мешали друг другу и жаловались: «Мама, уйми Леньку!», «Мама, скажи Андрюшке, чтобы не воображал!». Но теперь Татьяна Федоровна не принимала всего этого близко к сердцу, даже когда ей в душе хотелось принять сторону кого-нибудь из сыновей, она сдерживала себя, бросала шутливое слово или просто пожимала плечами. И стычка заканчивалась сама по себе, и мальчишки, как ни в чем не бывало принимались толковать о своих делах.

Что-то изменилось в их отношениях, словно они испытали свои братские чувства и оба поняли, как дороги и близки друг другу. Наверное, для всякого чувства требуется хоть небольшое испытание, чтобы оно проявилось и окрепло.

Однажды приводя в порядок школьную форму младшего сына, Татьяна Федоровна обратила внимание, что вместо металлической октябрятской звездочки к лацкану куртки была приколта суконная — такие уже никто давно не носил. Мать вспомнила, что когда Андрюша в первом классе стал октябренок, кто-то из ребят принес старую суконную звездочку, сохраненную старшими. И все первоклассники загорелись желанием иметь именно такую же. Татьяна Федоровна разыскала кусочек алого сукна, вырезала из него звездочку для Андрюши. Значит, теперь она у Леньки...

Провожая утром ребят в школу, спросила у младшего, дотронувшись до звездочки:

— Андрей подарил?

Увидела, как сыновья переглянулись, Леня молча кив-

нул головой. Мать с особой нежностью погладила по плечу старшего и потом долго стояла у окна, смотрела, как мальчишки шагали рядом и о чем-то разговаривали, при этом Ленька, держась за ремни ранца, то и дело подпрыгивал и заглядывал в лицо брату.

...Перед окончанием учебного года Ленька мобилизовал весь свой 2 «Б» в помощь брату: семиклассники собирали макулатуру. Операция прошла блестяще, и класс Андрея завоевал первое место по школе, а потом в районе. Ленька сиял и сообщал об этом событии каждому встречному.

В третьем классе Леню принимали в пионеры, и Андрей пошел в Музей Ленина послушать, как брат давал торжественное обещание юных пионеров.

Теперь Татьяна Федоровна со спокойной душой поручала мальчикам любое дело: купить продукты, прибрать в доме, сходить куда-нибудь... И не разделяла поручений: тому сделать это, тому — то. Просто говорила: «Ребята, постарайтесь сегодня купить овощи и забрать белье из прачечной. Вы уж сами разберетесь, кому что сподручней сделать, у кого время найдется...» Время находилось, поручения выполнялись. Ни отец, ни мать не хвалили за это сыновей порознь, подразумевалось, что все выполняется ими вместе.

— Какие у вас чудесные ребята! — часто стали говорить Татьяне Федоровне все, кто бывал у них в доме.

Она делала вид, что ничего особенного: братья и все. Но в душе у нее было счастливое чувство гордости за детей. Теперь ей казалось, что так было всегда, что иначе не бывает и быть не может...

Этому чувству было уготовано еще одно серьезное испытание.

...Андрей уже учился на первом курсе института, Ленька перешел в седьмой класс. Летом было решено поехать всей семьей в Крым. Почти полгода строили планы, мечтали, готовились, и вдруг все лопнуло: на работе у отца и матери изменились планы, отпуска перенесли на осень, поездка отменялась.

Сыновья, особенно Ленька, ходили подавленные, грустные...

В тот вечер, когда окончательно и бесповоротно выяс-

нилось, что ничего изменить нельзя, семья ужинала в полном молчании. И вдруг Андрей сказал:

— А можно, мы поедем вдвоем?

Мать сначала даже не поняла.

— Как это — вдвоем? С кем?

— Ну, мы. Я и Леня.

— Ты соображаешь, что говоришь? — испугалась мать. — Вы и без взрослых?!

— Но я уже взрослый, мне восемнадцать лет. Лене четырнадцать. Тоже не маленький. И ты ведь знаешь, что на нас можно положиться.

Леня с надеждой посмотрел на мать, но та замахала руками:

— Прошу тебя, Андрюша, замолчи. И не будем даже говорить на эту тему.

Ленька опять опустил голову. Но тут заговорил отец:

— А мне эта идея нравится, — медленно сказал он. — Только надо обдумать все хорошенько...

Оставшись вдвоем с мужем, Татьяна Федоровна напала на него.

— Зачем ты зря говоришь такие вещи? Все равно ведь не отпустим их одних. Исключено.

— Почему же? — Муж нахмурился. — Сколько раз уже убеждались, что на Андрея можно положиться, а Ленька слушается его беспрекословно.

— Нет, нет, нет! — Татьяна Федоровна даже руками замахала и забежала по комнате. — Невозможно!

— Словом, если хочешь знать мое мнение: мальчиков вполне можно отпустить одних. Подумай.

Татьяна Федоровна думала целую ночь, так заснуть и не смогла. То ей казалось, что и говорить не о чем: отпустить ребят одних в такую даль, к морю, — ни за что! Мало ли что может случиться с ними вдали от дома. Хотя... Остановиться им есть где, уже договорено. Андрей — парень самостоятельный, Ленька к нему привязан и слушается его — это тоже правда... Так, может быть... отпустить?

Ребята встретили разрешение родителей на поездку сдержанно, словно боялись растрогать родителей бурными восторгам. Но достаточно было взглянуть на лицо

младшего, на его блестящие глаза, чтобы стало ясно, как мечтали ребята о предстоящей поездке.

...Телеграмма, полученная от сыновей с места назначения, была полна ликования: «Доехали прекрасно, устроились великолепно, все отлично. Целуем. Черноморцы».

Через неделю пришло первое письмо, подробное, обстоятельное и богато иллюстрированное. Две долговязые мальчишеские фигурки изображались в разных положениях: за столом, уставленным горой какой-то снеди, на пляже, в воде. Татьяна Федоровна положила письмо в сумочку, где уже лежала драгоценная телеграмма, и при каждом удобном случае перечитывала его.

Письма приходили регулярно.

«Не волнуйтесь за нас, — писал Андрей. — Я шефствую над Ленькой на суше, а он взял шефство надо мной в воде. Не разрешает заплывать даже на лишний метр. Прямо деспот!»

«Напишите Андрею, чтобы он не боялся оставлять меня одного, — писал Леня. — А то он по вечерам никуда не ходит. Я уже не маленький!»

— Пора бы им возвращаться, — вздыхала мать. — Не могу дождаться.

Но раньше телеграммы о приезде пришло извещение на фруктовую посылку. Получать ее родители отправились вместе.

— От сыновей! — гордо сообщила Татьяна Федоровна девушке на почте, выдавшей им фанерный ящик с просверленными дырочками. — Фрукты шлют с юга! Вот чудачки! Как будто у нас тут фруктов нет!

Таких фруктов не было: невзрачные яблоки и твердокаменные груши, заботливо переложенные газетными листами, казалось, хранили на себе прикосновение рук мальчиков и благоухали солнцем и морем.

Сыновья приехали в конце лета, коричневые от загара, довольные и в чем-то неуловимо изменившиеся. Мать смотрела на них, ревниво отмечая каждую новую черточку, незнакомую ей прежде: белесую полоску усов над губами Андрея, ржавчинку выгоревших на солнце темных Лениных волос...

Они возмужали, возмужали за какой-то месяц, прове-

денный вдали от родителей, вдвоем. И подружились еще больше. Это виделось в том, как они разбирали вещи, обмениваясь короткими репликами, понимая друг друга с полуслова, с полувзгляда. В том, как рассказывали о своей жизни в Крыму, подчеркивая заслуги и достоинства другого.

— Как тебе наши орлы? — спросил отец Татьяну Федоровну, когда мальчики угомонились и заснули. — Не жалеешь, что отпустила?

Она расплакалась, уткнувшись мужу в плечо. Всю тревогу за сыновей, все скрытое напряжение последнего месяца вылила в слезах.

— Будет, будет, — успокаивал ее муж. — Вернулись, все хорошо. Видишь, какие они у нас молодцы...

Можно понять материнские чувства: страх за здоровье ребенка, боязнь за его благополучие, желание иметь его постоянно возле себя. Но сколько можно наломать дров в отношениях с детьми, если слепо, не раздумывая, все свое поведение подчинять этим чувствам! К каким неожиданным и порой грустным результатам приводит безоглядная родительская любовь! И тогда слышится беспомощный лепет: «Мы ли не любим. Мы ли не хотели добра?»

Некоторые родители представляют себе самовоспитание, как штудирование книг и посещение лекций. Само по себе это неплохо, но независимо от полученных знаний следует постоянно соотносить свои слова и свои поступки с их влиянием на детей. Проще говоря: надо думать, что говоришь, как поступаешь, потому что все без исключения имеет для детей огромное значение.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА НЕ ЗНАЕТ, КАК БЫТЬ

Даже в благополучных семьях то и дело приходится решать задачи, на которые не так-то легко и просто найти правильный ответ. А искать ответ надо, кто еще найдет, кроме родителей...

...У Марьи Петровны тоже двое сыновей: Максим учится в четвертом классе, Витя — в третьем. Хорошие

ребята, ничего не скажешь. Но и с ними не соскучишься, как говорит мать.

Взять к примеру вещи.

У Вити все всегда в идеальном порядке: тетрадки, учебники, ручки, ластик разложены по полочкам, по своим местам. Лыжи аккуратно связаны, шайбы засунуты в коробочку. Что надо — сразу найдет.

В хозяйстве Максима полный хаос — ужас, что такое! Все валяется где попало, на столе, на полу... Любое дело начинается с поисков нужной вещи. Тысячу раз ему говорили: «Клади на место!» Никакого эффекта. По-прежнему все домашние спотыкаются о портфель Максима, который кочует по всей квартире.

Почему так произошло, Марья Петровна объяснить затрудняется, вроде бы спрашивала с мальчишек одинаково.

Но не в этом сейчас вопрос, а в том, что же делать. Максим, не найдя нужной вещи, хватается, даже не спросив, ее у брата. Витя не возражает, только говорит: «Ты положи потом на место, ладно?» Как бы не так, положит Максим на место, жди...

С одной стороны, ведь неплохо, что Витя не жадничает, не жалуется на брата. А с другой стороны взглянуть, выходит, что неряшливость и безалаберность Максима поощряются? Нехорошо.

Можно, конечно, железно стать на защиту Витиной собственности, заявить Максиму: «Не твое, не трожь!» Но Марье Петровне подобный подход претит. Неряшество, конечно, плохо, но еще хуже наложить «вето» на великодушие. Так как же все-таки быть?

Пробовала Марья Петровна прятать разбросанные вещи Максима, думала его проучить, а он и не замечает, привык, что ничего на месте не лежит, хватается что-то Витино — урока не получается. Однажды Марья Петровна написала даже в педагогический журнал, просила совета. Из журнала ответили: «У каждого ребенка должен быть свой уголок, свои вещи. Дети должны уважать право собственности другого, но не делать из этого фетиша. Следует внушить детям: если брат или сестра что-нибудь просят, то стыдно не давать. Только следует вежливо попросить, и тогда тебе не откажут. Особенно

если вещь вернуть вовремя и обращаться с нею аккуратно».

Хороший совет и совершенно правильный, но почему-то у них в семье так не получается, хотя есть и свои уголки у мальчиков, и свои вещи. Марья Петровна советовалась с мужем — тот сказал, что ничего страшного не видит. «Почаще напоминай Максиму, чтобы порядок наводил, не раскидывал вещей где попало. А трагедий делать не из чего. Хуже было бы, если бы они тряслись над своими вещичками, как куркули какие-нибудь...» Может быть, он прав?

Или вот еще: во второй четверти что-то произошло у Вити в классе, какой-то конфликт с ребятами. Марья Петровна видела, что младший сынишка приходит из школы мрачный, насупленный — совсем на него это не похоже. «Что случилось?» Отвечает: «Ничего!» А сам глаза в сторону отводит. Решила сходить в ближайшую субботу к учительнице, а пока у Максима выяснить, что стряслось, уж он-то наверняка знает. Мать улучила момент, когда младшего не было дома, заговорила с Максимом, но как не старалась — ни в какую! «Пусть тебе Витька сам расскажет!» Марья Петровна и сердилась, и смеялась: «Да что же это такое? Прямо как партизаны на допросе! Я же все равно узнаю, в субботу в школу пойду».

Губы сжал, молчит.

В субботу тайна раскрылась: на классном собрании Витя выступил против Леши Кузнецова, председателя совета отряда, — тот совершил какой-то, с точки зрения Вити, недостойный поступок. А класс Витю не поддержал, словом, отношения осложнились...

— А ваш старший — молодец! — неожиданно сказала учительница. — Все перемены проводит с Витей и после уроков его дожидается у дверей класса...

Марья Петровна шла домой, испытывая сложное чувство одновременно гордости и обиды: хорошо, что мальчики поддерживают друг друга, но она же мать, почему они не захотели посвятить ее в свои дела? Она так и не решила, как ей поступить: промолчать или поговорить с сыновьями? Пока думала, прикидывала, прошло несколько дней, и судя по всему, конфликт в классе

был исчерпан: Витя повеселел, все пошло по-прежнему. И Марья Петровна решила не возвращаться к случившемуся.

Может быть, не всегда так уж необходимо требовать от детей полного отчета? Пусть приучаются сами находить выход из своих первых трудностей...

Теперь о драках. Это ужас, что такое! У матери просто все дрожит внутри, когда малячишки начинают свою возню! Она понимает, что без драк между мальчишками не обходится, да и не драки это вовсе, никакой злости нет, а так, сцепятся и пошло! Но ведь могут покалечить друг друга запросто! Сколько раз кровь из носа приходилось останавливать то одному, то другому. А отец, вместо того чтобы раз и навсегда утихомирить сыновей, купил им две пары боксерских перчаток и стал учить приемам борьбы. Хоть одно утешение, что мальчишки теперь дерутся в перчатках и по правилам — лучше так, если совсем без драк не обойтись.

Оставшись одна дома, Марья Петровна примерила перчатки и попробовала постучать ими по себе — вроде удары не такие чувствительные, и на том спасибо. Перед тем как вручить подарок, отец поставил сыновьям условие: «Запрещаю использовать перчатки для выяснения отношений, понятно? Хоть раз нарушите условие, перчаток вам больше не видать как своих ушей! Отношения между людьми выясняются словами!» — «А дуэли раньше были! — подковырнул Витя, человек начитанный и эрудированный. — Почему тогда можно было, а теперь нельзя?» Как-то отец выкрутился, что-то он ответил подходящее. Во всяком случае мальчики с ним согласились.

Нельзя сказать чтобы Максим и Витя так уж никогда больше и не прибегали к кулакам, выясняя свои отношения, но отцовское условие соблюдали свято: боксерские перчатки в этих случаях прятали подальше.

К сыновьям часто приходят товарищи. Хорошие ребята, Марья Петровна против них ничего не имеет. Но к Вите почему-то приходят всегда такие же чистенькие и аккуратные мальчики, как он сам. А к Максиму — какие-то хиппи! В потрепанных джинсах, в кедах, в крос-

совках, от которых на паркете остаются такие следы, что сердце хозяйки спокойно биться не может.

Как тут быть? Витиных друзей привечать, а Максимовых гнать? Да разве можно! Бог с ней, с чистотой! В конце концов не так трудно протереть тряпкой пол или сказать Максиму, чтобы он сделал это сам. Сказать, без всякого подчеркивания, без подтекста: я, мол, за твоими гостями прибирать не намерена, изволь сам. А просто: «Максимка, возьми-ка тряпку и быстренько вытри следы!»

Марья Петровна теперь так и делает и считает, что правильно делает.

С учебой тоже не сразу гладко пошло. В первом классе Максима по десять раз дома заставляли переписывать каждую строчку. Он и отнекивался, и слезами обливался, и сидел допоздна — особых успехов не наблюдалось. А потом Марья Петровна прекратила это «мучительство», однажды посадила рядом с Максимом младшего сынишку, велела ему тоже писать кружочки и палочки, а старшего попросила присмотреть. И надо же, пошло дело у Максима быстрее. А с Витей в первом классе уже никаких мук не было.

Марья Петровна не подозревала, что поступила в точном соответствии с педагогической наукой: внесла в занятие элемент соревнования, пробудила в сыне желание, чтобы его похвалили, — и навыки аккуратного письма сформировались гораздо быстрее.

Каждый ребенок — индивидуальность, каждый неповторим, для каждого свои методы воздействия. Что годится для одного, не подходит для другого.

У детей надо не просто воспитать определенные правила поведения — это сделать не так уж и трудно, а сформировать их чувства и убеждения, воспитать стойкие моральные нормы.

Правильно найденное решение, правильный ответ на бесчисленные вопросы, возникающие в семье, как кирпичики, из которых складывается успех семейного воспитания.

Еще К. Д. Ушинский указывал, что с детьми необходимо соблюдать серьезность, допускающую шутку, но не превращая всего дела в шутку, проявлять ласковость

без приторности, справедливость без придирчивости, доброту без слабости, порядок без педантизма.

ЛЮБИМЧИК

Как и большинство мужчин, Андрей Андреевич мечтал о сыне, но рождение первенца, как ни странно, оставило его довольно равнодушным. Ребенок в первый год часто болел, жена всецело занималась им, и Андрей Андреевич с неудовольствием чувствовал, что отошел на второй план, спокойное течение его жизни то и дело нарушалось.

Малыш очень походил на жену. Сколько ни искал отец в нем сходства с собой — найти не мог. Смешно, но это его обижало.

Нельзя сказать, что Андрей Андреевич не любил сынишку, но отцовские чувства проявлялись в нем довольно сдержанно.

Все изменилось с рождением второго сына, Пети. Петя был удивительно похож на отца, даже крохотные ушки трогательно повторяли отцовские.

Теперь Андрей Андреевич не упрекал жену, что она теряет голову из-за «каждого чиха», наоборот, сам впадал в настоящую панику, если с Петей что-то случилось. К счастью, мальчик рос крепким, и это давало отцу основание с удовольствием при случае замечать: «Младший у нас — богатырь! Не то что старший!»

Жена урезонивала: «Напрасно ты так говоришь, нехорошо!» Он не соглашался: «Что я такого говорю? Разницы между ними никакой не делаю, разве не так!»

Так-то оно было так, но мать, Лидия Ивановна замечала многое, что ей не нравилось: суховатые интонации в голосе мужа, когда он разговаривал со старшим, сияющую улыбку, обращенную к младшему. Она изо всех сил старалась нейтрализовать любое проявление неравенства отцовского чувства — мальчики ничего не должны были замечать. Но они подрастали и скрыть что-либо от них становилось все трудней. К тому же у отца появилась манера подшучивать над старшим, называть его маминым любимчиком. Стоило Валерику о чем-нибудь попросить мать, как Андрей Андре-

евич тут же замечал: «Только не проси маму броситься под трамвай, а то ради любимого сыночка она это сделает!»

Лидия Ивановна обращала все в шутку, но сердилась на мужа, наедине говорила, что он ведет себя неумно... Ему же казалось забавным и остроумным продолжать в таком же духе и дальше.

В один из летних дней, Лидия Ивановна подошла к комнате мальчиков, хотела позвать их ужинать, и услышала такой разговор:

— Петь, пойдешь в поход с Марчуками? (Марчуки были соседями по дому).

— А ты?

— И я пойду. Ты скажи папе, чтобы он отпустил нас с ночевкой!

— А ты его просил?

— Просил. Он разрешил, только без ночевки. А как я могу уйти один вечером? Если ты попросишь, он разрешит.

— Ладно, — согласился младший. — Попрошу.

Мать тихо отошла от двери, присела у кухонного стола — ей хотелось разобраться в услышанном.

Значит, мальчики уже для себя усвоили, что к чему. Хорошо еще, что это пока никак не сказывается на их отношениях. Вполне могло случиться, что младший пользовался бы отцовской слабостью для того, чтобы давать старшему почувствовать свое превосходство над ним.

Мысль об этом показалась Лидии Ивановне нестерпимой. Нельзя допустить, чтобы Петя выступил в качестве ходатая за Валерика перед отцом. Она опередила младшего сына и не без труда уговорила мужа отпустить ребят с Марчуками в поход — те люди надежные, у самих трое детей, ночевать будут на даче, никакого риска. В конце концов он согласился.

— Ты сам скажи Валерику, что разрешаешь, — попросила Лидия Ивановна.

Валерик получив разрешение, радостно заулыбался, взглянул на брата.

— Папа, я тоже, можно?

За ужином все были веселы, строили планы похо-

дов, и Лидия Ивановна чувствовала себя счастливой.

Через несколько дней разразился скандал.

Мальчики затеяли возню в комнате, сначала бросались подушками, потом начали бороться. Мать была в кухне, слышала только пыхтение и шум, потом сыновья закричали сразу в два голоса, и стало тихо. Лидия Ивановна бросилась к ним и увидела, что Петя сидит на полу и по виску и по щеке у него ползет струйка крови. А Валерик, бледный и испуганный, стоит над ним и пытается поднять с пола.

— Что случилось?

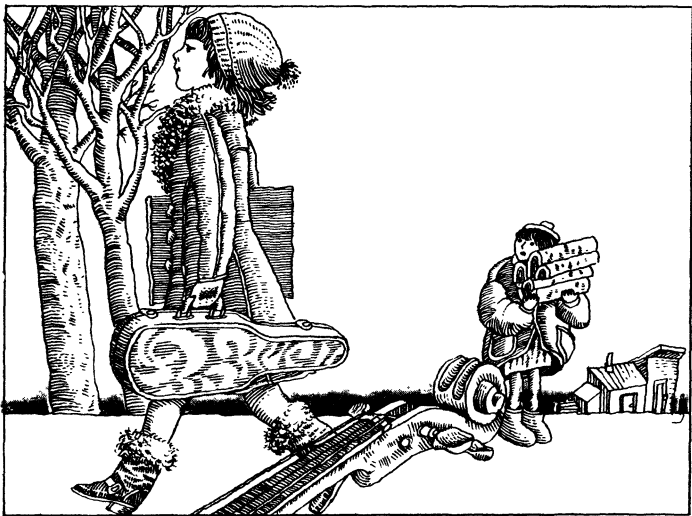
Она подхватила Петю, перенесла на диван. Дрожащими губами Валерик пытался объяснить:

— Мы боролись, а Петька нечаянно стукнулся об угол стола...

— Быстро вату, йод, воду!

Валерик побежал на кухню и в дверях столкнулся с только что пришедшим отцом. Тот шагнул к дивану:

— Петенька!

Лидия Ивановна торопливо сказала:

— Успокойся! Нечаянно стукнулся, ничего страшного, небольшая царапина... — Она взяла комок ваты, обмыла ранку.

Андрей Андреевич с ужасом смотрел на Петю: — Висок! А если бы чуть в сторону?..

— Не волнуйся, все обошлось. Видишь, — успокаивала жена. — Они боролись, бывает...

Но Андрей Андреевич уже потерял всякое самообладание:

— Конечно, я так и знал, что это Валерка! — и вдруг затряс кулаками. — Негодяй! Ты же мог его убить!

Лидия Ивановна заслонила собой старшего сына.

— Прекрати истерику! — крикнула она мужу и быстро вытолкала Валерика из комнаты. — Приди в себя! Что ты делаешь!

Тот очнулся, подошел к Пете, который расширенными глазами смотрел на отца.

— Петенька, милый, как ты?

У мальчика затряслись губы:

— Папа, зачем ты так на Валерика? Он ничего плохого не сделал... Мы боролись...

Мать, не давая раскрыть отцу рта, быстро вмешалась:

— Папа просто испугался за тебя. Он не хотел обидеть Валерика.

— Все равно... — У Пети градом катились слезы.

Насилу успокоив его, Лидия Ивановна позвала старшего сына, велела ему побыть с братом и увела мужа.

Разговор был долгим.

В повседневной суете многие наши слова и даже поступки затушевываются, выглядят не так обнаженно. «С кем не бывает! Сорвалось!» — так оправдываются в подобных случаях. Но слова могут ранить и даже убивать — это общеизвестно. Особенно слова близких людей. Чужие не в состоянии так задеть душу и самолюбие ребенка, как отец или мать. Обида от чужого не так болезненна, потому что от нее есть противоядие: равнодушие к обидчику. А слова близких людей проникают в самое сердце, не встречая сопротивления.

Вечером Андрей Андреевич подошел к Валерику, сидевшему за уроками, положил руку ему на плечо:

— Ты не сердись... Я испугался, погорячился. Понимаешь...

— Ну что ты, папа, — сказал мальчик, вновь принимаясь за учебник.

Отец еще немного постоял возле него, неловко пожал плечами и вышел.

— Ну? — встретила его вопросом жена. — Что он?

— Ничего, — вздохнул Андрей Андреевич. — Помоему, ты делаешь из мухи слона.

— Опять! Кажется, объяснила тебе все и ты вроде бы все понял... Или ничего не понял?

— Да понял я, понял! — с досадой ответил муж. — Что же мне, на колени теперь перед ним становиться?

— А тебе это не нравится? Вижу, тебе объяснять что-либо бесполезно!

Она хотела продолжать, но, взглянув на виноватое лицо мужа, поняла: хватит слов. Все нужное сказано, смешно добиваться немедленных результатов, пусть пройдет какое-то время.

Теперь она еще внимательней следила за своим «треугольником», как мысленно называла мужа и детей, и с радостью убеждалась, что он становится все более «равносторонним». Отец перестал называть Валерику маминым любимчиком, чаще хвалил его и меньше отдавал предпочтение Пете. Бывали срывы, не без того, но их становилось с каждым днем меньше.

Если бы не мать, в семье все могло сложиться по-другому. Папин любимец — младший сын и мамин «любимчик» — старший, вряд ли сохранили бы дружбу. Тем более что старшему мальчику эту роль навязывал отец.

К сожалению, семья довольно часто навязывает ребенку какую-то определенную психологическую роль. Например: мамина дочка, папин сынок, всеобщий кумир, врунишка, способный лентяй, вундеркинд, хвастун... При этом о ребенке не думают или считают, что для него так лучше.

День за днем родители акцентируют слова и поступки ребенка, подтверждающие именно навязанную роль.

Нечаянно уронил кусок хлеба, застегнул куртку не на ту пуговицу, разбил стакан — «конечно, дырявые руки, растяпа!».

Похвалили в школе, удачно ответила на уроке — «ты же у нас талант! Мы бы удивились, будь по-другому!».

Рассказал об уличном происшествии — «это еще надо проверить, ты у нас известный выдумщик!».

Уже не говорю о том, что это раздражает, иногда обижает, часто вызывает ненужные эмоции, но ведь ребенок сначала невольно, потом все более сознательно «подыгрывает» взрослым, чтобы не выйти из образа. И постепенно может приобрести черты, в сущности, чуждые его натуре, часто негативные. А сколько вреда приносят такие вот навязанные роли!

Я знала подростка весьма средних способностей, учился он плохо, не вылезал из двоек. При усидчивой работе он вполне мог бы справиться со школьной программой. Но дело заключалось в том, что в семье его провозгласили способным лентяем. А заставлять способного мальчика сиднем сидеть над учебниками родители считали излишним. На школьные неприятности в семье реагировали однозначно: «Ты лентяй! С твоими способностями, что тебе стоило подготовиться к уроку!»

Надо сказать, что парня такая роль вполне устраивала. Давала возможность бездельничать и пользоваться лестной репутацией человека способного.

С великой натяжкой кончил он школу, после чего миф о способностях бесследно растворился. Остался «голый» лентяй, без твердых знаний, очень недалекий, не приученный к систематическому труду, к тому же наделенный неоправданным самомнением.

В нормальной семье ребенку никогда не навязывают определенную роль, не представляют его в каком-то одном амплуа. Он остается самим собой, и это лучше всего, потому что тогда объективно оцениваются все достоинства и недостатки ребенка, тогда можно утвердить все хорошее в нем и помочь избавиться от плохого.

Говорят, «королеву играет свита». То есть мнение

о себе создается отношением окружающих. Если королеву окружить людьми, которые станут относиться к ней неуважительно, грубо, трудно ей будет чувствовать себя коронованной особой.

Ребенка в семье «играют» родители. Это их любовь и уважение, доверие и требовательность дают детям возможность самоутвердиться. И соответственно наоборот: постоянное унижение, несправедливость и попреки чаще всего приводят к грустным результатам. Нельзя самоутвердиться в семье — подросток идет в другое место...

Конечно, кроме семьи, у ребенка есть еще школа, друзья, пионерский лагерь, двор, кружок, где его социальная роль и его личность тоже оцениваются, но, как правило, главное — семья и оценки, получаемые в семье.

Родители не всегда помнят о таком важном обстоятельстве, что личность ребенка постоянно развивается, меняется, не стоит на месте. Это необходимо учитывать.

Взрослые люди обладают определенной косностью мышления, их характер, взгляды, привычки уже сложились. А рядом растут дети, которые не заметно для родительских глаз, но непрерывно и быстро меняются. То, что вчера еще с успехом действовало на ребенка, сегодня уже не оказывает никакого влияния. Сегодня требуется уже другое отношение, другие слова, другая реакция. Даже родительская любовь и уважение, сохраняя свою силу, должны вылиться в новые формы. Малышу, к примеру, приятна мамина ласка, а тринадцатилетний увернется от поцелуев. Можно пользоваться абсолютным доверием семилетней дочки, но если в пятнадцать лет ей хочется иметь тайну, не стоит стараться во чтобы то ни стало эту тайну раскрыть.

Особенно опасно навязывать определенные роли детям, когда их двое. Одинаковыми роли никогда не бывают — они всегда разные, даже противоположные. Вот и получается, что в одной семье растут Любимица и Золушка, трудяга и лентяй, педант и растяпа... Дружба между такими полярными типами возможна в жизни едва ли... Так что не стоит рисковать.

ПЛЮС МИНУС ПЯТЬ

— Значит, так, — сердито сказала Женя. — Когда надо, то я взрослая. А когда не надо, то маленькая. Очень интересно!

В комнате никого не было. Разговор велся с воображаемым собеседником, умным, все понимающим и неизменно сочувствующим Жене. Сочувствие было ей сейчас просто необходимо: вчера попросила родителей взять ее с собой на восьмичасовой сеанс в кино — не взяли. «Поздно кончится. Ты еще маленькая». А сегодня только она собралась идти с девочками гулять и вот, пожалуйста: позвонила по телефону мама, сказала, что задерживается на работе и пусть Женя забрет Павлика из детского сада и побудет с ним дома. «Надеюсь, все будет в порядке, — сказала мама. — Ты ведь взрослая уже!» Конечно, все будет в порядке, но где же справедливость? И неужели Павлик не может побыть вечером дома один?

— Удивляюсь! — вслух негодовала Женя. — Седьмой год человеку, а его все считают маленьким! Так можно совсем испортить ребенка!

Воображаемый собеседник, как всегда, был с Женей совершенно согласен.

— Когда мне было семь лет, а Павлику два годика, почему-то считалось, что я взрослая, — продолжала рассуждать Женя. — Где же логика?

Каждый подтвердил бы, что логики нет.

— То-то и оно, — вздохнула Женя. — Тогда меня посылали гулять с Павликом. Я даже его кормила. А он в свои годы, кроме детского сада и заводных машин, ничего знать не хочет.

«А как с ним дома разговаривают, — уже про себя рассуждала Женя. — Просто ужасно! Только и слышно: «Ласточка! Солнышко! Кусинька!» Еще «кусинька» какая-то. Противно просто». Сколько Женя ни вспоминала, не могла припомнить, чтобы мама хоть когда-нибудь так ее называла. Ну иногда, может быть... А обычно «Женя» или «доченька». Правильно. Хотя... вот если откровенно, разве пять лет разницы в возрасте — очень много?

Женя еще раз глубоко вздохнула и пошла одеваться.

В нестройной колонке ребят, выходивших из детского сада, Женя сразу разглядела укутанную фигурку брата. Павлик подбежал к ней.

— Женя!

— Прощайся с Валентиной Алексеевной, — строго напомнила сестра. — И не бегай как угорелый...

— Что давали сегодня на завтрак? — подражая маме, спросила Женя, когда они с Павликом шли по дороге к дому. — Как ты ел?

— А! Гадость! — Павлик изобразил на своем лице крайнее отвращение. — Манная каша!

— Очень плохо, что ты не ешь кашу, — назидательно заметила Женя, стараясь не вспоминать свое собственное отношение к этому блюду. — Так ты никогда не станешь сильным.

Павлик искоса посмотрел на сестру.

— А мы сегодня задачки решали, — сообщил он. — Про мячики и про лодочки!

Женя пренебрежительно пожала плечами:

— Подумаешь, задачки. Было два мячика, один укатился, сколько осталось? Это самые маленькие малыши могут сосчитать. Нашел, чем хвастать!

— А нам еще кино показывали, — уже с меньшим энтузиазмом информировал сестру Павлик. — Про дядю Степу!

— Не кино, а диафильм, — внушительно поправила Женя. — Пора бы уж разбираться.

Павлик обиженно замолчал и всю оставшуюся дорогу демонстративно смотрел себе под ноги.

«Вполне взрослый мальчишка, — думала Женя, сжимая мягкую руку брата. — Мне уже до плеча. И ни в чем, абсолютно ни в чем не разбирается! Так и будет считаться всю жизнь маленьким из-за того, что у него есть старшая сестра. Вообще-то Павлика даже немножко жалко, он не виноват, что его так балуют».

Внезапно Женю осенило: почему бы ей самой не заняться в свободное время воспитанием братишки? Он сам да и мама с папой потом скажут ей спасибо. Вот только с чего начать? Папа всегда говорит, что у че-

ловека должно быть чувство ответственности — это главное. Действительно, все за что-то отвечают: мама и папа — за свою работу, за Женю и Павлика. Она, Женя, отвечает за свою учебу, за выпуск стенгазеты, за то, чтобы покупать хлеб и молоко, и немножко за Павлика. А Павлик за что отвечает? Ни за что! Значит, у него нет чувства ответственности. Он даже игрушки не всегда убирает на место, валяются по всей квартире...

Увлеченная своими мыслями, Женя почти бежала, Павлик едва поспевал за ней.

— Иди потише, — жалобно тянул он. — Я устал.

Ну вот. Изнеженный, слабый ребенок. Надо будет и с этим что-нибудь придумать. Женя ощутила прилив энергии. Решено: с сегодняшнего дня для Павлика начнется новая жизнь. Она представила себе радость и удивление родителей, когда они обнаружат, как неузнаваемо изменился Павлик, когда увидят, каким он стал самостоятельным и крепким, и поймут, чья это заслуга. Ах, как они будут благодарить Женю! Как мама станет ее целовать и называть всякими ласковыми словами!..

Очутившись дома, Женя уселась за стол, а Павлик, как обычно, отправился в свой уголок, где у него стояли машины всех марок. Но сегодня им суждено было бездействовать.

— Павел! — громко позвала Женя.

Тот, удивленный непривычным обращением, вопросительно посмотрел на Женю.

— Тебя, тебя зову!

Он подошел.

— Как ты думаешь, ты уже большой?

— Большой. Я уже в подготовительной группе, — не подозревая подвоха, с готовностью ответил Павлик.

— Вот видишь, — сказала Женя. — А все почему-то считают, что ты еще маленький.

Павлик насупился, предчувствуя недоброе.

— Хочешь со мной заниматься? — спросила Женя. — Только по-настоящему.

— Хочу... — нерешительно отозвался Павлик.

У старшей сестры явно было плохое настроение, и он предпочел ей не перечить.

— Молодец! — похвалила Женя. — Сейчас начнем.

...Едва мама переступила порог квартиры, на нее пахнуло резким одуряющим запахом гуталина. В прихожей на резиновом коврикe сидел ее сын, зажав между коленями большой отцовский ботинок. Крепко вцепившись двумя руками в сапожную щетку, он размазывал ею из стороны в сторону с видом заправского чистильщика сапог. Жирные черные пятна украшали лицо и руки Павлика.

— Боже мой! — испуганно произнесла мама. — Что случилось? Где Женя?

— Мама! — весело закричал Павлик. — Я теперь отвечаю за все ботинки! А Женя делает уроки.

— Немедленно оставь обувь в покое! — категорическим тоном сказала мама. — И отправляйся мыться! Сию же минуту!

Павлик прижал к себе ботинок и умоляюще простонал:

— Я еще не дочистил! Я ведь отвечаю!

— Без разговоров!

Мама открыла дверь и заглянула в комнату. Женя складывала в портфель учебники.

— Я думала, что могу на тебя положиться! — сердито сказала мама. — Неужели ты не могла присмотреть за ребенком? На кого он похож! Ты же взрослая девочка!

Вбежал запыхавшийся Павлик. Умывание не произвело особого эффекта: темные пятна по-прежнему виднелись на его разругавшемся оживленном лице.

— Мама, как ты думаешь: у йогов есть футбольная команда?

— Какие йоги? Какая футбольная команда? Почему ты такой красный?

— Женя говорит, что у них нет футболистов, потому что йогов мало! Что ли, у них одиннадцать человек не наберется?

— Я сейчас сойду с ума, — слабым голосом сказала мама. — Вы мне объясните наконец в чем дело?

— Я стоял на голове! — радостно признался сын. — Женя учила меня делать гимнастику йогов.

У мамы расширились глаза:

— Иди поиграй, сынок. Иди, мой маленький.

Женя мрачно смотрела в сторону. Мать подошла к ней ближе.

— Что происходит, Женя?

Девочка молчала.

— Я тебя спрашиваю?

Еле сдерживая слезы, Женя исподлобья взглянула на мать.

— Ничего не происходит, — дрожащим голосом сказала она. — Ничего.

Еще не понимая причины ее огорчения, но уже поверив в него, мать ласково провела рукой по наклоненной голове дочери:

— Что ты, чижик?

Женя упрямо отвернулась:

— Я — взрослая? Ну и не называй меня тогда чижиком!

— Хорошо, — согласилась мать. — А как тебя называть?

— Вот видишь, — уже не сдерживая слез, сказала Женя. — Тебе все равно.

— Мне не все равно. Но я не могу понять, зачем ты затеваешь какие-то дикие вещи?

— Затем, что вы с папой даже не замечаете, что Павлик уже тоже большой. Вы с ним все как с маленьким!

— Допустим, — сказала мама. — Но при чем тут йоги и ботинки?

— Ты сама говорила, что гимнастика йогов полезная. А Павлик совсем изнеженный. Поэтому он и простуживается вечно. И чувства ответственности у него никакого нет. Разве плохо, если он будет отвечать за ботинки?

— Ты забываешь, что ему все-таки только шесть лет, — мягко сказала мама.

— Скоро семь. Неужели пять лет — это такая большая разница? — Женя сморгнула слезы и быстро вытерла ладонями щеки.

И тут с мгновенной прозорливостью, которую порой дарит нам любовь, мать поняла, что происходит в сердце ее девочки. Ревнует к брату... Обижается, что больше нежности и ласки достается младшему. А ведь ей, Жене, надо не меньше. Вот откуда такое страстное желание

доказать, что разница в пять лет совсем незначительна и не может, не должна отражаться на ней! Бедный ребя-тенок! Действительно, всего пять лет... Плюс минус пять...

Когда же нарушилось семейное равновесие? Матери казалось, что Женя очень тепло относится к младшему брату и покровительствует ему, изображая взрослую. Значит, не следует чересчур доверяться внешнему впечатлению: изображала взрослую, а в душе ощущала себя обиженным ребенком. Вот сейчас только это выяснилось. Мама с раскаянием подумала, что виновата перед дочкой: не заметила, когда и как нарушилось семейное равновесие, не сумела вовремя его восстановить.

Она притянула Женю к себе:

— Посиди со мной, доченька.

Женя уткнулась лицом в мамину руку и замерла.

— С чего ты взяла, что я отношусь к вам по-разному? — сказала мама. — Даже на капельку нет разницы.

Женя откровенно всхлипнула:

— Ты все с Павликом и с Павликом. И целуешь его всегда, и называешь его по-всякому...

— Женечка, да ведь это просто потому, что он самый младший в семье у нас, а не потому, что больше его люблю. С малышами всегда так. И ты была поменьше — с тобой точно так же было. Ты просто забыла.

Мать помолчала, поглаживая Женины волосы.

— Хочешь, договоримся: если тебе опять что-нибудь подобное покажется, то ты мне сразу скажешь. Давай? Ты сама убедишься, что тебе все это только кажется.

Девочка внимательно посмотрела на мать.

— Ты хочешь мне что-то сказать? Скажи, я по глазам вижу, что хочешь...

— Помнишь, я болела свинкой... И ты не пускала Павлика ко мне...

— Конечно, боялась, что он заразится. Ну и что же? Что плохого?

— А когда Павлик заболел корью, ты разрешила мне играть с ним... Я даже на его кровати сидела. А ты ничего...

У Жени опять набежали слезы. Мама торопливо сказала:

— Да ты же переболела корью в четыре года! Тяжело

болела, мы с папой от тебя ни на шаг не отходили. Поэтому и не боялись за тебя, когда Павлик болел.

— А разве я не могла опять заразиться?

— Конечно, нет! Корь не повторяется. Поэтому я и разрешила тебе быть с Павликом. А ты что думала?

Не отвечая, Женя теснее прижалась к матери. «Значит, уже два года сидит эта заноза у нее в сердце, — думала мать. — Два года! О чем же я думала, когда не сочла нужным объяснить ей, почему не боюсь за нее. Простить не могу себе!»

— Значит, мы договорились. Ты поняла? Хочу тебе сказать, что ты умница: Павлик и вправду у нас немного изнеженный, и не мешает им заниматься. Мы с папой заняты, так что на тебя большая надежда. Но, Женечка, не надо ставить его на голову — это вредно для человека без предварительной подготовки! Даже настоящие йоги начинают не с такого упражнения. И пожалуйста, не давай ему гуталин. Ты же видела, на кого он стал похож. Потом нам с тобой придется его отмывать.

Теперь они рассмеялись обе, и мама поцеловала Женю в еще не просохшую от слез щеку.

В комнату вошел Павлик с игрушечным зеленым самосвалом на веревочке.

— Женя, — громким шепотом обратился он к сестре, опасливо косясь на мать, — а в хоккей йоги играют?

Женя переглянулась с мамой и бросилась тормозить братишку. Потом усадила его рядом и с серьезным видом стала рассказывать сказку собственного сочинения про йогов и хоккей.

Такая мелочь: не объяснили вразумительно девочке, что не может она заболеть корью, — забыли или не придали значения. А какой толчок дало это «незначительное обстоятельство» мыслям и чувствам Жени! В двенадцать лет дети уже легко выстраивают логические цепочки: «Не боялись, что я заражусь от Павлика, — значит, родителям все равно, что со мной будет. Значит, не любят, не дорожат...» И как подтверждение: братишку не подпускают к ней — его оберегают от заразной болезни. Какие могут быть сомнения: ее, Женю, не любят. Павлика любят. И ласкают, а ею пренебрегают... Из-за того, что это подспудное чувство никому не выразишь,

оно еще больше усиливается, рождает не только ревность, но и недоброжелательность к брату.

Нет мелочей, не бывает «незначительных обстоятельств» в семейных отношениях. В гармоничной семье учитывается все. И в ней не может быть застывшей схемы отношений. Отношения с детьми гибки, изменчивы, зависят от обстоятельств. Там же, где родители проявляют свои принципы, без учета обстановки, им впоследствии нередко приходится недоумевать: вроде бы и принципы были неплохие, и придерживались они их постоянно, а результатов не достигли. Почему бы это?

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ

(Три письма с комментариями)

Иногда возникают такие вопросы, что даже трогать их боязно — обязательно отзовутся в ком-нибудь болью. Но делать вид, что не существует их, тоже нельзя. Те, кого они мучают и беспокоят, быть может, ждут ответа или просто хотят слов понимания и сочувствия. Иногда самому становится легче или, во всяком случае, что-то понятнее, когда выскажешь свою мысль, свою боль словами.

Вот три письма, присланные в редакцию.

Первое из них.

«У меня две дочки. Одной двенадцать лет, второй семь. Какое счастье могло бы быть, если бы не наше горе. Старшая дочка, Настенька, с рождения часто болела, постоянно за нее мы дрожали. В полтора годика, после перенесенной пневмонии, Настя потеряла слух. Трудно даже вообразить себе наше отчаяние! Чего только ни делали, к каким врачам ни обращались, куда ее ни возили — ничто не помогло. Я полностью посвятила себя дочке, занималась с ней развитием речи — поверьте, это нелегкий труд. Решила для себя: мой крест, буду нести его всю жизнь.

Когда муж заговорил о втором ребенке, я и слышать не хотела. Мне казалось, что я неизбежно отниму часть внимания и времени от Насти. Но муж настаивал и в конце концов уговорил меня.

Родилась Саша — еще одна девочка. Думала, если и

она начнет болеть, я просто не выдержу, умру. К счастью, Сашенька росла нормально и особых волнений нам не доставляла. Сейчас она уже учится в первом классе.

Пока Саша не ходила в школу, она очень дружила со старшей сестрой, а та просто обожала ее. Но вот почти год Саша учится, и я стала замечать, что отношение ее к Насте изменилось. Не так чтобы все по-другому, но в чем-то... Впервые я обратила на это внимание, когда к Саше пришли девочки из класса. Настя была дома.

Конечно, несмотря на все наши старания, Настина речь сильно отличается от нормальной. Сашины подружки с трудом ее понимали, переспрашивали, переглядывались, даже пересмеивались. Они же еще маленькие, несмышленыши! А у Саши такое лицо стало, будто ей неловко за сестру, будто она ее стесняется. Быстренько увела девочек. Настя очень чуткая, все поняла, усмехнулась грустно. Передать не могу, как мне стало тяжело! Саша вернулась одна, стала разговаривать с сестрой, как ни в чем не бывало... А все же осталась какая-то неловкость, и это не дает мне покоя...

Я люблю дочек одинаково, каждая мать мне поверит. Только ведь и каждая мать знает, что жальче того ребенка, которому хуже. У меня сердце разрывается, когда я думаю, что Саша будет стесняться Насти, начнет ее сторониться. А я так старалась сдружить их, так внушала им, что ближе и дороже друг друга у них никого нет...»

Что тут скажешь! Болезнь ребенка не на день, не на неделю, а на годы, иногда на всю жизнь — тяжкое страдание для родителей. По сравнению с такой бедой только смерть кажется еще страшнее. Можно поддаться болезни, подчинить ей все, и тогда жизнь проходит в гнетущей обстановке, постоянной мрачности и страданий. Ох как тяжело жить в такой обстановке и самому больному и здоровому человеку! Больной чувствует себя страдальцем, здоровый инстинктивно рвется из мрачного дома куда угодно, только бы вырваться. Какая уж тут дружба! В лучшем случае — жалость, сострадание, в худшем — раздражение, отчуждение...

Даже если растет один ребенок и он болен, надо изо всех сил постараться создать нормальную атмосферу в доме, чтобы и радости какие-то были, и праздники,

и дружелюбие, и гости... А если двое детей (один болен, второй — здоров), тем более необходимо приложить все старания для создания этой самой нормальной атмосферы, словно и нет беды в доме.

Конечно, легко говорить, легко давать такие советы, но попробуйте, сделайте, сожмите свое сердце в кулак... Но другого выхода нет.

Можно ведь, продолжая занятия с Настей, не подчеркивать, что она нуждается в особом внимании? Можно. И ни в коем случае не обделять вниманием Сашу — это не так трудно. Вот уже и создано какое-то равновесие. И нельзя радоваться только на младшую, а на старшую глядеть как на свой крест — дети это почувствуют обязательно. Вообще исключается любое неравенство, потому что оно неизбежно разрушит дружбу и любовь сестер.

Ну а конкретный случай, о котором рассказала Альбина Ивановна, тоже заслуживает внимания, не стоит его замалчивать. Какие слова сказать младшей дочке? «Твои подружки не очень-то вежливы, ты заметила? Если бы Настины друзья над тобой посмеивались, тебе бы понравилось?» Или что-то в таком же духе. И неплохо бы загладить неприятное впечатление. Пригласить еще разок Сашиных одноклассниц — пусть поближе познакомятся с Настей, привыкнут к ней. Чтобы Саша увидела и поняла: в тот первый раз девочки просто растерялись.

Вот письмо Ленины Сергеевны И.

«Я развелась с мужем, вышла замуж вторично. От первого брака у меня сын, от второго — дочка. Вокруг меня таких семей немало. Не знаю, быть может, у них все легко и просто, а у нас сложности. Начну с того, что муж обожает нашу двухлетнюю Ксюшу и равнодушен к Валерику, которому недавно исполнилось пять лет. Отец Валерика живет в другом городе, так что «папа» сынишка говорит только моему теперешнему мужу. Мне трудно в чем-либо упрекнуть мужа: он не обижает Валерика, может с ним и поиграть, и позаниматься, особенно если я попрошу. Только отчетливо вижу, что никаких теплых чувств у него Валерик не вызывает, хотя мальчик очень славный, послушный, привязчивый. Попробовала осторожно поговорить с мужем, он даже удивился: «Разве

я что-нибудь не так делаю?» Как ему объяснить, что Валерик так же нуждается в отцовской любви, как и Ксюша.

Я знаю, немало мальчишек растет без отцовской заботы — ничего хорошего, конечно, но что поделаешь! Но я не об этом. Одно дело совсем без отца, другое — когда отец (а Валерик считает таким моего мужа, с настоящим его отцом мы разошлись, когда сынишке исполнилось полтора года) всю свою любовь и тепло отдает сестренке. Должна признаться, что муж никакого удержу не знает во всем, что касается дочки: возится с ней каждую свободную минуту, все кудряшки перецелует... Я видела раз, как Валерик смотрел на возню мужа с Ксюшей... Сразу же и я затеяла такую же игру с ним. Сейчас сын маленький, его можно отвлечь, заговорить, а дальше?

Все у нас в семье сложилось неплохо, только вот отношения мужа с Валериком меня беспокоят и тревожат...»

Если чересчур наседать на того, кто заменил Валерику отца, можно еще больше оттолкнуть его от мальчика. Может быть, только время и незаметное, осторожное подталкивание их друг к другу сделают свое дело. А пока мама может ласково подшучивать над пристрастием отца к маленькой дочке и подчеркивать, как нечто заслуживающее уважения, сдержанность отношений между «мужчинами». Только не стоит неумеренными материнскими ласками стараться компенсировать холодность отчима.

Третье письмо от Галины Михайловны З.

«В старой сказке рассказывается о том, что умерла у Аленушки мать, отец женился на другой, а у второй его жены была дочка. Мачеха дочку любила-лелеяла, а падчерицу ненавидела, всячески обижала и заставляла работать с утра до ночи... Так вот, начало сказки совпадает точь-в-точь с моей историей, а вот дальше... Дальше начинаются расхождения. Дело в том, что мачеха — это я. После смерти матери «Аленушки» (правда, нашу «Аленушку» зовут Нелей, но это не меняет дела) ее отец женился на мне, и стало у нас в семье две дочки, Неля и моя Ася. Они почти ровесницы, разница в полгода. Ася сразу потянулась к отчиму — он очень хороший чело-

век, я была счастлива, готова всей душой полюбить Нелю как свою родную дочь. Не тут-то было! Натолкнулась на такое сопротивление, что даже растерялась.

Все понимаю: Неля не может забыть родную мать — ей было уже восемь лет, когда та умерла, ревнует отца ко мне, ревнует его к Асе. Я стараюсь быть терпеливой, ровной, но иногда меня охватывает отчаяние: прошел год, а я не замечаю никаких сдвигов в отношении Нели к себе. Муж успокаивает меня, он считает, что время свое возьмет. Хочется надеяться, что так и будет, а вдруг нет?..»

Жизнь много раз подтверждала: время берет свое. Пройдет острая боль от утраты матери у Нели, она растет, тянется к радости. У нее останется потребность в материнской любви, и она потянется к той, которая заменила ей мать, если у той хватит терпения, выдержки и доброты. Потянется и к Асе, ставшей ей сестрой. Ни на минуту нельзя терять веры в то, что именно так и произойдет, и тогда все кончится хорошо, как в сказке.

БАЛЕТНАЯ ТУСЬКА

О том, что один из детей может находиться в семье на каком-то особом, привилегированном положении, я узнала, когда мне было лет тринадцать и в наш дом переехали Казаковы.

Они сразу привлекли к себе внимание жильцов: и мебель необычная, не похожая на ту, что стояла у нас в комнатах, а главное — рояль. Торжественный и блестящий, как на сцене. Никто из нас не подозревал, что подобную вещь можно держать в обыкновенной квартире. И вежливыми очень были новые обитатели старого дома.

Вскоре выяснилось, что старшая дочка Казаковых, моя ровесница, Наташа, или Туся, как ее звали в семье, учится в хореографическом училище. Подумать только! Младшая ее сестра, Катя, была обыкновенная девчонка, пошла учиться в нашу школу возле дома, училась в пятом классе так себе, никакими особыми талантами не блистала.

Катя легко вошла в нашу дворовую компанию, и от

нее мы с жадным любопытством узнавали подробности таинственной и завлекательной жизни будущей артистки балета.

Телевизоры тогда еще были редкостью, театром нас не очень-то баловали, поэтому информация, регулярно получаемая от Катьки, имела большую ценность.

— Сегодня в театре «Щелкунчик». Туська занята, — говорила Катя. — Весь их класс занят.

Она говорила: не «танцует», а «занята», и это тоже приобщало нас к тайне театра.

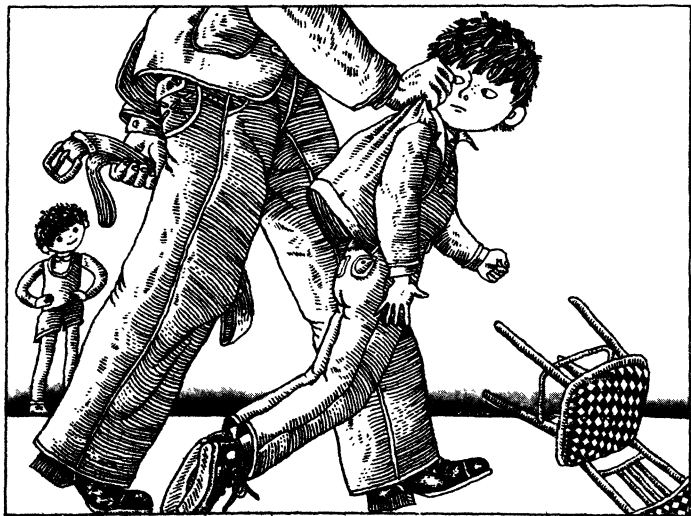
— А ты видела ее на сцене? — спрашивали мы.

— Сто раз! — важно отвечала Катька. — Она за мальчика всегда танцует, потому что высокая.

— А какой у нее костюм? — Мы сгорали от любопытства.

— Такой... Красивый. Штаны шелковые в обтяжку, белые чулки...

Как нам хотелось увидеть все это воочию, своими глазами! Но нас никто не приглашал, а напрашиваться — гордость не позволяла.

Иногда перед вечером по двору проходила Туся с маленьким чемоданчиком. Мы уже знали, что в нем лежат балетные туфельки для танцев, «балетки». Тусю всегда провожала мать — худенькая красивая Галина Ивановна. Она ласково здоровалась с нами и говорила Катке:

— Поздно не гуляй, Катюша. Пожалуйста, в восемь будь дома.

Они уходили, а мы смотрели им вслед.

— А мать тебя тоже любит, — заметила как-то я. — Катюшей называет.

— Конечно, любит! — серьезно подтвердила Катя. — Только... — она, помолчав, вздохнула: — Туська ведь... балетная.

Придя домой, я внимательно посмотрела на свою младшую сестру и постаралась вообразить, что она, как Туська, танцует на сцене, или там поет, или еще что-нибудь делает особенное, а я такая как есть, обыкновенная... Интересно, как мама тогда бы относилась к нам: по-разному или нет? Вообразить подобное было нелегко: мама относилась ко мне и к Люське одинаково, и другое как-то не укладывалось у меня в голове.

Родителям нашего дома нравилось, что мы дружим с девочками Казаковых. Что выйдет из нас — да и выйдет ли что-нибудь путное, — было еще неизвестно, а Тусино будущее всем виделось в блестящих огнях рамп, в цветах, в аплодисментах... И на Катю падал отсвет будущей славы, и даже немножко на нас.

Галина Ивановна иногда заходила к нам. Моя мама подрабатывала шитьем, шила соседкам что попроще. Устроившись в уголке дивана, я смотрела, как мама примеряет сметанную вещь на Галине Ивановне, и слушала их разговоры. Чаще всего говорили о Тусе. Галина Ивановна постоянно была озабочена здоровьем старшей дочери: то ногу натерла, то плохо выглядит, то аппетита нет... «Что вы все расстраиваетесь, — успокаивала ее мама. — Мелочи, пройдет». Галина Ивановна не соглашалась: «Знаете, когда речь идет о балете, нет мелочей, все важно. А Тусенька такая хрупкая!» — «Так и Катюша ваша не из толстых, видно, не в кого. Да и мои, гляньте-ка, в чем только душа держится». Но Галину Ивановну не удавалось отвлечь от беспокойства за старшую дочку.

В те времена, во времена моего детства и отрочества, у всех ребят дома были какие-то свои обязанности по хозяйству. Не из педагогических соображений, а просто потому, что семьи нуждались в нашей реальной помощи, не могли без нее обойтись. (А это самая действенная и самая результативная педагогика!) Мы бегали в магазины, в булочную, убирали в комнатах, возились с младшими братьями и сестрами. Игры и общение во дворе были сладким и заслуженным отдыхом. Но какая бы ни шла игра, достаточно было кому-то из взрослых окликнуть нас в форточку и дать поручение — сразу же безоговорочно отправлялись его выполнять.

Как и все, Катя бегала за покупками. Мать работала, бабушка у них была совсем старенькая... А вот Тусю никогда никуда и ни за чем не посылали.

Наш здоровый демократизм не желал мириться с таким ненормальным положением. Особенно возмущалась Надя Школьникова, ровесница Туси, которая в свои тринадцать лет помогала матери управляться с двумя малышами.

— Что же это все ты, да ты, и опять ты! — негодовала Надя, когда Катька, зажав в кулаке деньги и размахивая пустой хозяйственной сумкой, отправлялась в очередной поход за продуктами. — Почему не Туська? Почему она никогда не ходит?

— У нее сегодня репетиция была, — оправдывала сестру Катя. — Она устала.

— Подумаешь, репетиция! Попробовала бы она Алешку и Сашку притащить из яслей! (Алешка и Сашка были весьма упитанными годовалыми близнецами, Надиными братьями.) А то: устала! Несправедливо, вот!

При всем нашем уважении к искусству мы принимали сторону Нади: балет балетом, но надо же и совесть иметь!

Уже в своем возрасте мы интуитивно отрицали всякое иждивенчество и всякие попытки оправдать его какой-то исключительностью. Мы не завидовали Тусе, наоборот, желали ей всяческих успехов на сценическом поприще, но всей кожей чувствовали: нехорошо, когда одна сестра все делает, а другую оберегают от любого житейского дела только потому, что она репетирует и выступает.

В те годы, далекие уже годы, никому из нас и в голову

не приходило критиковать действия взрослых. Мы просто видели и оценивали их результат, и результат нам не нравился.

Но я попытаюсь сделать это сейчас. Галина Ивановна была интеллигентным, деликатным человеком, но во всем, что касалось Туси и ее занятий, ее будущего, она теряла всякое чувство меры. Объяснение этому было: балетная карьера самой Галины Ивановны оборвалась очень рано по каким-то не известным мне причинам и на Тусе сосредоточились все ее надежды, в дочке она видела свои несбывшиеся мечты. Наверное, поэтому не замечала неравенства между девочками, которое прочно укоренилось в семье.

Может быть, для пользы дела действительно необходимо приносить жертвы? Балет, музыка, фигурное катание, плавание, языки — да чем только не занимаются сейчас дети! — и все это требует массы времени! Где же его взять, если не освободить своих вундеркиндов от бытовой чепухи! И освобождают, и оберегают, и близко не подпускают.

Мне пришлось бывать в семье юной спортсменки, имя которой широко известно. И однажды я проследила весь ее день. И пришла в ужас. С шести утра до девяти вечера у нее не было ни одной свободной минуты: дорога от дома до стадиона, тренировка, обед, школа, тренировка, дорога домой (и уроки учила в метро!), ванна, массаж, сон. В портфеле у нее лежала книжка и резиновая кукла, но, по-моему, даже вынуть их из портфеля у нее не оставалось времени. Да разве у кого-нибудь повернется язык сказать, что вот, мол, не мешало бы ей, этой спортивной звезде, сбегать за картошкой. За картошкой бегала ее младшая сестричка. Очень симпатичное существо, которое уже в шесть лет заявило, что тоже хочет, как Оля, прыгать и танцевать. К счастью, там в семье оказалась мудрая бабушка, заявившая, что для одной семьи вполне достаточно одной Оли, и срочно купившая для младшей пианино: пусть занимается музыкой!

Рассказала я об этой семье потому, что нет раз и навсегда установленных правил поведения: ситуации сами диктуют эти правила. У юной спортсменки не было ни минуты времени, она трудилась, как каторжная с утра до

вечера, и это было оправдано целью. Младшая сестра ее никогда не могла бы сказать, как Катя, что мама больше любит старшую: любила мама девочек одинаково, сумела внушить младшей дочке уважение к Олиному труду, сознание его важности...

Нельзя зарывать талант одного ребенка только для того, чтобы не подчеркивать заурядности другого! Ничего не надо приносить на алтарь равенства, равенства во что бы то ни стало. Просто нужно суметь проявить деликатность и, я бы назвала так, нравственное равенство.

...Через год после переезда Казаковых заболела Туся. Катя сообщила: ангина с высокой температурой, врач велел лежать. Ангиной болели многие из нас, так что поводов для особого беспокойства мы не видели. Но Галина Ивановна проходила через двор с покрасневшими глазами, а Катька сообщила, что у Туси после ангины осложнение на сердце. Сердце — это уже было серьезно, и мы решили провести больную.

При виде нас Галина Ивановна обрадовалась:

— Проходите, девочки! — и пригласила в комнату, где, укутанная в шерстяной платок, лежала Туся.

— Смотри, доченька, тебя навестить пришли! — сказала ей мать.

Но Туся, вместо того чтобы обрадоваться, вдруг всхлинула и отвернулась к стенке.

— Будет, будет! — дрожащими губами выговорила Галина Ивановна. — Нельзя же все время так расстраиваться.

— Чего ты? — укоризненно сказала Надя Школьниковна. — Поболееешь и выздоровеешь. Или уж так больно?

Туся не отвечала, всхлипывала. Галина Ивановна с расстроенным лицом поглаживала ее по спине и все приговаривала:

— Успокойся, прошу тебя, успокойся!

Мы неловко топтались на месте, не зная, что делать — то ли уходить, то ли оставаться.

Галина Ивановна вздохнула и посмотрела на нас. Видно, ей хотелось что-то сказать, но не решалась.

— Понимаете, девочки, Тусенька скоро поправится, но дело в том, что... — Она запнулась, потом продолжила: — Доктора не разрешают ей больше танцевать.

Туся всхлипнула особенно громко, мы переглянулись: значит, она уже не будет больше учиться в хореографическом училище? А как же с театром?.. Мы понимали, что вопросов задавать не следует, и молчали, не зная, что говорить. Надя Школьникова, старшая из нас, первой догадалась, как надо себя вести.

— Подумаешь! Мы вот тоже не танцуем, ну и что! Пойдешь в нашу школу! Знаешь, какая у нас школа? Замерительная! Хоть Катку спроси... И кружки всякие, и спортзал...

Спустя месяц Туся начала учиться в нашей школе. Никто ни о чем ее не спрашивал, об этом обстоятельстве мы побеспоились заблаговременно, никто не касался больших вопросов. Откуда бралась такая деликатность у девочек, проводивших все свое свободное время в обычном ленинградском дворе, — кто знает, но откуда-то бралась.

Теперь Туся часто сидела вечерами вместе с нами на скамейках под двумя березами — излюбленным местом наших девчоночьих посиделок, и мы разговаривали обо всем на свете, кроме, разумеется, балета и театра. Но однажды Туся сама сказала:

— После школы пойду в театральный институт!

Мы даже рты раскрыли от изумления: мало ей! Но она пояснила совсем по-взрослому:

— Буду учиться на театроведа: писать о балете.

Мы успокоились: писать — не танцевать, для писания ангины не помеха. Туся и в самом деле со временем поступила в театральный институт, стала искусствоведом. Но тогда до этого было еще далеко. А поразила нас всех Катя.

В восьмом классе она стала победительницей районного шахматного турнира. И нас вновь осветил огонек чужой славы.

Надо сказать, что шахматные лавры не отразились на характере Кати, она осталась такой же простой своей девчонкой, как и прежде. И так же бегала за покупками, помогала по хозяйству и так же любила вечерами сидеть с нами на скамейках под березами.

Наверное, рассказанная история балетной Туськи не слишком типична: много ли девочек учится в хореографи-

ческих училищах! И еще реже случается, что судьба поступает с ними так жестоко. Но вариантов у этой нетипичной истории множество, потому что одаренных детей очень много и у большинства этих юных талантов есть братья и сестры, и нельзя допускать, чтобы они чувствовали себя в семье на задворках, второстепенными.

Избежать такого положения возможно только одним способом: пусть в числителе будет что угодно — талант красота, способности, но в знаменателе неизменно — родительский такт, любовь, деликатность, одинаковые для всех детей, сколько бы их ни было, двое или больше.

БАБУШКА И ВНУКИ

Воспитывать детей — это обязанность и право родителей. Но разве плохо, когда у детей, кроме отца и матери, есть еще близкие и любящие люди! И несправедливо будет умолчать о них.

Когда родителям нужна реальная помощь, чаще всего они получают ее от бабушек и дедушек. При этом родители почти всегда желают, чтобы «предки» не вмешивались в воспитание внуков и не оказывали на них своего влияния, потому что уверены — кроме вреда, это ничего принести не может.

Откуда и почему берется подобная уверенность — загадка. Особенно если вспомнить, что эти самые бабушки и дедушки воспитывали этих самых родителей и вроде бы неплохо справились с задачей. Или плохо? Тогда объяснение найдено: взрослые сыновья и дочери ощущают огрехи собственного воспитания, винят в них своих родителей — кого же еще! — и боятся, чтобы дети тоже не пострадали.

Теоретически логично, а на практике — совсем наоборот. Родители чаще всего уверены в своей непогрешимости, в своем единственно разумном взгляде на воспитание и поэтому не хотят, чтобы пусть даже самая любящая бабушка подрывала основы их семейной педагогики.

Но смириться с ролью бесстрастных и равнодушных наблюдателей бабушкам и дедушкам трудно. Да и разум и сердце подсказывают, что это просто противоестественно.

Независимо от того, желательно это родителям или нет, от причастности бабушек и дедушек к воспитанию внуков все равно никуда не деться, пусть их разделяют хоть тысячи километров. Потому что, как уже сказано, именно они, бабушки и дедушки, вырастили этих самых мам и пап, которые теперь, сознательно или непроизвольно, передают своим детям то, что когда-то сами впитывали из атмосферы своей семьи. Передают, разумеется, с неизбежными поправками на время, характер, обстоятельства...

— И вполне достаточно! — скажет папа Кости или мама Даши. — А указывать, как нам вести себя с нашими детьми, — это уж, извините, совсем лишнее!

Действительно, вмешательство старшего поколения в отношения родителей с детьми в приказном порядке, прямолинейное и грубое (кроме каких-то исключительных случаев, когда все средства хороши) обычно приводит к плачевным результатам: ссорам, обидам, даже разрыву родственных отношений. Но согласитесь, видеть плохое и молча, про себя, ужасаться — тоже не самая удачная форма поведения. Есть над чем подумать бабушкам и дедушкам!..

Какое счастье иметь внуков! Какая радость быть бабушкой! Хотя бывает, что это счастье могут оценить не все и не сразу.

Помню, когда ко мне, в сорок с небольшим, впервые обратились: «Бабушка!» — я просто похолодела. С негодованием уставилась я на незнакомого пятилетнего наглеца, который, очевидно, по контрасту со своей совсем юной мамой, осмелился так назвать меня и тем самым под корень подкосить мое привычное представление о себе. Нет, я не смогла этим пренебречь — это было выше моих сил. Я заговорила с мальчишкой, шутила, заигрывала с ним, словом, кокетничала напропалую, пока он не сдался и смущенно не пролепетал: «Тетя!» Тогда я победоносно отошла, но заноза в душе осталась.

Прошло несколько лет, и мой внук, глядя на меня глазами до удивления похожими на глаза сына и на мои собственные, тоже произнес: «Бабушка!», произнес с полной уверенностью в своем праве и в том, что он меня осчастливил. И в самом деле осчастливил — это было

как признание в любви. Ведь слова любви всегда одинаковы — все зависит от того, чьи уста их произносят.

Потом у меня появилась внучка, и вскоре, сияя голубыми, как у матери, глазами, тоже произнесла: «Бабушка!», и я почувствовала себя наверху блаженства.

И все-таки ни любовь, ни педагогическая подкованность не уберегли меня от общей участи всех бабушек, и слова «ты портишь нам детей!» были мне сказаны в подходящих к случаю обстоятельствах. Я даже и не пыталась возражать, понимая, что любой ответ не удовлетворит родителей и вызовет лишь их протест. В подобных случаях спорить бесполезно, лучше промолчать.

Теперь бабушки не так уж часто живут под одной крышей с внуками — это одна из примет сегодняшней жизни, особенно городской. Но какая бабушка откажется помочь детям и внукам по мере сил и возможностей, а иногда и сверх своих сил и сверх возможностей.

...В семье Макеевых мама и папа — инженеры одного из московских заводов. У них двое сыновей. Младшему, Игорьку, еще нет и года, старшему, Володе, семь, он первоклассник. По утрам, когда Людмила Антоновна и Сергей Николаевич собираются на работу, в дверь звонит бабушка, мать Сергея. Приезжает она каждый день с другого конца Москвы (полтора часа езды!), оставляя у себя дома очень пожилого и очень нездорового мужа.

Молодые уходят, бабушка остается с внуками. В шестом часу вечера родители возвращаются с работы.

В тот вечер я вошла в квартиру вместе с ними. Комнаты сияли чистотой, дети, веселые, ухоженные, встретили нас восторженным визгом. Через десять минут после нашего прихода, бабушка попрощалась.

— Видите, какая у меня свекровь? — иронически улыбаясь, обратилась ко мне Людмила Антоновна. — Мы в дом, она за порог. А у меня еще столько дел! Уроки сделал? — спросила она Володю.

— Да, бабушка проверила.

— Гуляли?

— Да, мы с бабушкой ходили в лес, она рассказывала нам про разные деревья.

Далее Людмила Антоновна выяснила, что ели сыновья

на завтрак, обед и полдник, спал ли Игорек, чем занимался Володя, и услышала:

— Сначала бабушка читала мне сказки, а потом мы с ней играли в дурака.

Мать схватила за голову:

— В какого дурака?

— В подкидного, — радостно сообщил сын. — Я выиграл!

— Подумайте, чему она учит детей! Играть в карты! Я попыталась ее успокоить:

— Ну что вы так расстраиваетесь! Безобидная игра. Она вздохнула:

— Что поделаешь, приходится мириться. Хорошо, что хоть не вместе живем.

— Она вам так помогает, — вступилась я за бабушку. — И видно очень любит мальчиков.

— Любит! — пожала плечами Людмила Антоновна. — Еще бы ей не любить своих внуков.

Значит, так: любить — пожалуйста, помогать — пожалуйста, остальное — ни-ни! Под «остальным» подразумевается все, что не укладывается в педагогическое кредо родителей или, не дай бог, принципиально расходится с этим кредо.

Жена сына как-то заметила мне:

— А Наташка вас выдала. Вы ей колыбельную песенку пели.

— Пела, — чистосердечно призналась я. — А что, нельзя?

— Ни к чему. Ребенок должен засыпать без всяких песенок.

Оказывается, спеть колыбельную — тоже значит «портить». Сказки рассказывать можно, но ведь, согласитесь, проигрыватель или телевизор делают это гораздо более квалифицированно, чем бабушка. Ласкать внуков допустимо, но в меру (кто ее знает, эту меру?), хвалить надо осторожно. Подвергать даже малейшему сомнению правильность родительских поступков — ни в коем случае!

...Первого сентября Костю облачили в новенькую форму, сдули с него все пушинки, снабдили букетом алых гладиолусов и повели в школу — первый раз в первый класс.

Шествие было поистине королевским: Костя нес букет перед собой, как скипетр, с одного бока шла мама, с другого — бабушка, папа и дедушка замыкали шествие. После торжественных приветствий и речей распахнулись школьные двери, и Костю вместе со всеми новичками увела учительница. Мама и папа побежали вперед, чтобы еще раз взглянуть на сына.

Бабушка умиленно улыбалась. Дедушка взволнованно поглаживал усы.

В этот день в честь нового ученика устроили семейный парадный обед с тортом и газированной водой «Байкал».

Второй день прошел не менее радостно.

Третий — тоже.

А на четвертый день Костю выпороли.

Учительница сказала, что он мешал детям работать на уроке, и папа, никогда ранее к подобным антипедагогическим приемам не прибегавший, снял ремень...

Узнав о случившемся, бабушка зарыдала. Дедушка вступил в переговоры с Костиным папой.

— Ничего. Пусть сразу усвоит, что в школе надо вести себя как следует! — сказал папа.

— Но разве таким способом?.. Тебя когда-нибудь били? — возмутился дед. — Как ты можешь!

— Могу! — жестко ответил папа. — Кстати, ты забыл, как однажды отлупил меня ремнем, а я прекрасно помню! И вообще, не вмешивайтесь! Мы сами разберемся!

Выслушав это, бабушка приняла валидол. А дедушка сел писать письмо в редакцию.

«Нам говорят: «Не вмешивайтесь!» Ребенку отравили всю радость, теперь начало школьной жизни навсегда будет связано для него с унижительным наказанием. А мы должны смотреть на подобное безобразие спокойно и не иметь права что-либо изменить? Никак не можем с этим согласиться».

Бедный Костя! Надеемся, что такое случилось с ним в первый и в последний раз. Но вопрос деда — можно или нет вмешиваться в воспитание внуков? — многих задевает за живое.

...На кухне Горюновых обсуждалось поведение младших членов семьи — шестилетнего Эдика и восьмилет-

него Ромы. Были приглашены бабушка и дедушка. Повестка дня оказалась обширной: мальчишки подрались во дворе с соседскими ребятами, ругались плохими словами, отняли у девочки Вики заводного пингвина, а дома наврали, что она пингвина им подарила...

Кругом виноватые мальчишки сладко спали в своей комнате и видели уже третьи сны, а взрослые все совещались. Папа высказал все, что у него накопело на душе, ядовито упрекнул в сыновьих грехах маму и устало замолчал. Мама расстроено вставляла отдельные реплики.

— Что же вы решили предпринять? — дав папе немного остыть, спросил дед.

— Как что? — опять вскипел папа. — Мальчишки простояли в углу целый вечер, не разговаривали с ними весь день и не будем еще целую неделю, зоопарк в воскресенье отменяется...

— Телевизор запретили смотреть, с ребятами играть, — добавила мама.

— Вам не кажется, что это многовато? — осторожно спросила бабушка. — Может быть, стоит остановиться?..

— Вам легко говорить, — вздохнула мама.

— Нет, конечно, мы понимаем, что ребята виноваты, — сочувственно произнесла бабушка. — Но пожалейте себя — вы просто измучились, мы же видим!

Разговор продолжался в том же духе. Старшие члены семьи высказывали свои соображения так деликатно, что соглашаться или не соглашаться с ними можно было только по существу — форма возражений не вызывала.

Если захотеть, всегда можно найти деликатную и приемлемую форму для того, чтобы к тебе прислушались, приняли твой совет, признали твою правоту... Иначе, будь бабушка и дедушка хоть трижды правы, родители останутся при своем мнении.

Сколько бы ни было в семье детей — один, два или больше, — бабушка и дедушка никогда не бывают лишними. Хорошо, когда они есть. Еще лучше, когда в наличии имеются две бабушки и два дедушки. Пусть хоть урывками они дополняют родительское воспитание: подарят внукам внимание, которого так часто не хватает детям из-за занятости мам и пап, воспитают навыки, о которых в спешке нашей жизни порой забывают. Споют

песенки, полные доброты и ласки. Расскажут сказки, хоть и хуже, чем те, что записаны на пластинках, но зато глядя в глаза ребенку. И вспомнят истории из своей жизни, случаи с мамами и папами, когда те были совсем маленькими — дети обожают такие рассказы.

Время вносит неизбежные поправки в представления обо всем, в том числе и о воспитании. Так что пусть родители воспитывают своих детей сами, но отказываться совсем от участия в этом трудном деле бабушек и дедушек — это расточительство. Многие забирают годы у людей, но что-то оставляют взамен. Например, терпение. И память многое хранит, и руки многое умеют, и любовь освобождается от эгоизма... Все это для внуков, для кого же еще!

Бабушка может сдружить детей, как никто другой. В семьях, где бабушка присутствует постоянно, а не от случая к случаю, всегда царит какая-то особая атмосфера уюта, тепла, миролюбия... Конечно, бывают и грустные исключения, но чаще — именно так. И дети спокойней — не так сказывается на них утренняя спешка с дерганьем и раздражением, не так отражается и вечерняя усталость родителей.

И стоит помнить о том, что отношение к бабушке в семье — самая наглядная школа воспитания для детей. Какие бы благородные слова ни говорили родители своим дочкам и сыновьям, достаточно неуважительно отнестись к своей старой матери, и все словесное прекраснодушие развеется дымом. Нет силы, которая задержала бы высокие слова в ребячьей душе. И со временем, когда роли переменятся, отношение выросших детей к своим родителям точно повторит картину, не сомневайтесь.

Отношения с бабушкой учат детей заботливости, состраданию, доброте. Бабушкино слово и бабушкина рука, нежная и ласковая, сближают внуков между собой не меньше, чем родительский такт и деликатность.

Еще одно может сделать бабушка: вложить в детей добрые чувства и оставить у них любовную благодарную память о себе на всю жизнь.

МАЛЕНЬКИЕ МУЖЧИНЫ, МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Дети очень рано начинают чувствовать принадлежность к своему полу именно благодаря родителям. Малыш еще нетвердо ступает по земле, а ему уже торопятся покупать заводные машинки, солдатиков, пистолеты. Двухлетняя девочка баюкает куклу и возится с игрушечной посудой. Стоит мальчишке споткнуться и зареветь погромче, сразу ему говорят: «Потерпи, ты же мужчина!»

Старше становятся мальчики и девочки, и все больше разнится их поведение, интересы, мироощущение.

В семье воспитывается не только человек и гражданин, но и мужчина и женщина. И в этом своем качестве первую школу чувств они проходят у родителей. И тут тоже для успеха недостаточно одних нотаций и внушений.

Отношения между отцом и матерью — вот «учебник» будущего мужчины, будущей женщины. Они усваивают страницу за страницей этого «учебника», усваивают незаметно для себя и для окружающих, но крепко и надолго, часто навсегда.

Отец относится к матери с уважением, внимателен, заботлив, помогает ей во всем — прекрасный урок для сына. Если, конечно, так бывает постоянно, а не только 8 Марта. Мальчик вырастет в убеждении, что иначе и быть не может, не бывает, что к женщине можно относиться только так. Повезет той, которая станет женой этого сына.

Мать вечно пилит отца, попрекает его, жалуется на свою горькую долю даже дочке. И дочка «урок» усвоит: поведение матери, ее отношения с отцом тоже станут для нее нормой.

Сколько мне ни приходилось наблюдать молодых супругов, чаще всего они повторяют стереотип отношений собственных родителей. Поломать его трудно. Эстафета поколений идет по всем линиям.

Мальчик и девочка в семье — благодатное сочетание, прекрасная обстановка для упражнения и воспитания мужских и женских качеств. Качеств, которые, как и многие другие, лучше воспитывать с малых лет.

Брат ударил сестру, чего-то они там не поделили,

неважно, что именно. Но сам факт: ударил сестру! Ударил женщину! Ничего, что женщине, допустим, шесть лет, а обидчику и того меньше. Все равно не пройдите мимо, объясните, что такой поступок недопустим, постыден. Разве найдется сказка, герой которой унизился бы до подобного позора! Кто бы тогда стал его любить, им восхищаться! Да никто!

Девочка ходит растрепой, бросает вещи где попало. Подведите ее к зеркалу. Давай причешемся, переоденемся, будешь чистенькая, хорошенькая, смотреть приятно на тебя будет, а то скажут: «Степка-растрепка!» И вещи уберем, а то выйдет из дочки никудышная хозяйка.

В праздник брат преподнес сестре рисунок, пластилиновый грибок или цветок из купленного папой для мамы букета — еще одно доброе зернышко посеяно.

Сестра пришила пуговицу на школьной куртке брата, погладила его носовой платок, позаботилась о завтраке...
Всходят зерна, всходят...

Играют вместе дети — кто кому уступит? Конечно, мальчик должен уступить девочке... И девочку не мешает научить уступать брату.

Жизнь доказала, что нельзя заниматься нивелировкой в воспитании мальчиков и девочек. Попробовали уже, и плоды уравниловки теперь пожинаем. Равенство равенством, но мужчина должен вести себя соответственно и чувствовать себя мужчиной, а женщина — женщиной.

Научить мальчика не только любить свою сестру, но и относиться к ней с уважением, как к представительнице более слабой половины человечества, нуждающейся в его помощи и защите, — значит, во многом научить его быть мужчиной.

Воспитать девочку так, чтобы она гордилась своей принадлежностью к женскому роду и видела в брате все его достоинства, ценила их, — означает, что взрослой она не остановит свой выбор на человеке только потому, что он носит наимоднейшие джинсы и лихо отплясывает на дискотеке.

Мальчикам и девочкам одинаково важно обладать чувством собственного достоинства. И опять же где, как не в семье, заложить и воспитать это чувство. Отно-

ситься к детям с уважением, с доверием, считаться с ними — только так. А хлестать дочку по щекам, а потом укорять ее, что она не держится с достоинством, — смешно. И высмеивать мальчишку по пустякам, а потом удивляться, что он заискивает и унижается перед более сильными одноклассниками, — тоже пустое дело. Пожили, что посеяли, — заповедь на все времена.

Иногда слышишь: «Как сложно воспитывать девочку! С мальчиками гораздо проще».

А иногда говорят: «С мальчишкой только и ждешь неприятностей. А с девочкой — никаких хлопот».

Дети, и мальчики и девочки, всегда приносят и сложности и хлопоты. Растить ребенка просто можно в семье, где внутренняя работа родителей «скрыта за кадром», не выставляется напоказ. Или в семье, где на детей вообще не очень-то обращают внимание, они растут как трава. И тогда... Тогда и на самом деле все время приходится ждать неприятностей независимо от того, кто подрастает — мальчик или девочка...

ДА УЛЫБНИТЕСЬ ЖЕ!

Иногда полезно провести ревизию в своем арсенале воспитательных средств: что там есть, чего нет... Опытные ревизоры считают, что при ревизии излишки больше свидетельствуют о неблагополучии и неполадках, чем недостача. Отчасти это верно не только для материальных ценностей. Например, когда в семье злоупотребляют одними и теми же словами, нудными нотациями, длинными поучениями, наказаниями — это явный перебор, и говорит он весьма красноречиво о педагогическом бессилии родителей. А вот хороший пример, дружеское доверие, верный тон — тут излишков не бывает, потому что эти вещи драгоценные, и с ними обращаются бережно. Ну а как с юмором? Юмор в этих арсеналах товар дефицитный, хотя еще А. С. Макаренко говорил о том, что иногда, вместо того чтобы метать гром и молнии, родителям достаточно улыбнуться.

Так как же с улыбками? Нет, не тогда, когда вы слушаете забавный анекдот, а именно в том смысле, который вкладывал Макаренко: вместо «грома и молнии».

...На скамейке в сквере молодая женщина, отложив книгу, сердито выговаривала сыновьям, стоявшим перед ней. Мальчишки были измазаны весенней грязью до самых ушей.

— Что мне с вами делать? Посмотрите, на кого вы похожи! Кто станет отстирывать ваши куртки, кто?

Один из провинившихся, лет пяти, обиженно кривя губы, оправдывался:

— Я построил плотину, а Вадька ее испортил. Тогда я его толкнул...

— А чего он воду перекрыл! — вмешался второй, чуть постарше. — Я кораблик пускал, а он на мель сел...

— Гадкие мальчишки! — продолжала сердиться мать. — Садитесь возле меня и ни шагу!..

Они уселись и сразу же дружно заерзали. Мать поняла, что при таком соседстве читать спокойно ей не удастся, и сменила гнев на милость:

— Ладно. Отправляйтесь, гуляйте, но чтобы к лужам и близко не подходить! Понятно?

Мальчишки обрадованно убежали. Мать, поймав мой взгляд, заметила, словно извиняясь:

— Беда с ними. Обязательно грязь найдут.

— Так ведь весна, — сказала я. И задала тот самый вопрос насчет улыбок.

Она слегка удивилась:

— Они извалялись в грязи, а я должна им улыбаться, так?

— Даже посмеяться можно было над тем, как они выглядят. Эффект был бы точно такой же, как от ваших сердитых слов. Даже больший, если бы вы еще предложили им вытереть лица друг другу.

Мать пожала плечами:

— Может быть. — И углубилась в чтение.

Я представила себе, как дома она, продолжая бранить сыновей, начнет отстирывать их куртки, накажет (не исключено) мальчишек, лишит их прогулки, что не помешает им при первом же удобном случае опять влезть в лужу.

А если бы чуть-чуть юмора? «Ну-ка, друзья, поработайте, постирайте вместе со мной свою одежду. Будете

знать, как в другой раз пачкаться. И не халтурьте, трите, голубчики, как следует, я проверю!». Вроде бы и шутит мама, а стирать надо. И настроение хорошее у всех сохраняется, и урок полезный.

У мамы не нашлось улыбки для такого случая, но это вовсе не означает, что она вовсе лишена чувства юмора. Просто, как и многие, уверена, что воспитанию, особенно когда ребенок в чем-то провинился, приличествует только серьезность, только сердитость...

Зато семья, обедавшая за столиком маленького кафе, наглядно продемонстрировала совсем другой метод воздействия.

Все четверо — мама, папа, дочка лет пяти и сын, уже школьник, — очевидно, хорошенько нагулялись в этот воскресный день и основательно проголодались, ели с большим аппетитом, даже смотреть со стороны было завидно. Когда дошло до чая с пирожными, девочка проворно принялась сковыривать орешки с песочного колечка на тарелке брата. Тот заметил и попробовал оттолкнуть проказливую руку, но безрезультатно, и он пожаловался отцу:

— Пап, скажи ей...

Папа покачал головой:

— Ну все! Коля останется у нас голодный. И Шурочка голодная. Вот бедняжка! Давайте отдадим ей все пирожные! Хочешь, Шурочка?

Та, округлив голубые глаза, растерянно кивнула.

— Вот и хорошо. Коля, а ты согласен? — Отец незаметно подмигнул сыну.

Тот широко улыбнулся и широким жестом положил свое пирожное на тарелку сестренки. Родители сделали то же самое. Шурочка посмотрела на горку песочных пирожных и нерешительно отковырнула кусочек. Потом оглядела улыбающиеся лица и, жалобно скривив губы, отодвинула от себя тарелку.

— Что же ты, лапонька? — участливо спросила мама.

— Не хочу.

— Наелась? Ну не надо...

Девочка старательно раздала всем колечки. Через несколько минут они закончили обед и весело поднялись из-за стола.

Тожe можно было прикрикнуть на дочку, шлепнуть по руке да и старшему сделать замечание, чтобы не жадничал, — подумаешь, орешки скovyрнула. Можно было, многие так и поступили бы, и что же, больше пользы? Запомнилось бы надолго? Наоборот...

Можно так, а можно этак, но случается, что и выбора нет — одно действенное средство: юмор.

...В вестибюле школы мамы маялись в ожидании своих юных граций — в зале шли занятия ритмикой. Разговор шел исключительно о «данных»: слова «слух», «музыкальность», «гибкость», «ноги», «подъем» и прочие мелькали то и дело. Когда занятие подошло к концу, из зала стали один за другим выпархивать эльфы в белых пышных юбочках и в беленьких чешках. Эльфы разыскивали своих мам, переодевались и делились впечатлениями от урока. В вестибюле стоял густой запах тщеславия.

Прехорошенькая девчушка натягивала на себя клетчатое платье и ботинки, постепенно преображаясь из эльфа в привычного ребенка, и с упоением, без умолку рассказывала маме:

— А я сегодня так хорошо делала приседания. Павел Петрович сказал — просто замечательно! А еще он сказал, чтобы все посмотрели, как я держу руки! А еще...

— Ну молодец! — с улыбкой прервала мама. — Мы тебя теперь будем называть как? Галина Уланова? Или Майя Плисецкая? Или просто: самая-самая-самая?

— Вот ты смеешься, а Павел Петрович...

— И Павел Петрович посмеется, если услышит, какая ты хвастунишка! Пойдемте, ваше балетное высочество!

— Ну, мамочка!..

Мама рассмеялась, а за ней и дочка.

А рядом другая девчушка, и тоже прехорошенькая, расписывала своей маме свои успехи — видно, Павел Петрович не скупился на комплименты ученицам. Мама слушала серьезно, так же серьезно сказала:

— Прекрасно, что ты стараешься и тебя хвалят. Но нужно быть скромной! Нехорошо хвастаться своими успехами.

Все правильно сказала мама. Не исключено, что дочка запомнит все мамины правильные слова, только мне почему-то кажется, что первая мама своей беззлой насмешкой добилась большего или во всяком случае не меньшего: вряд ли ее дочка захочет еще раз выглядеть смешной в маминых или в чьих-то еще глазах.

Не только на детей распространяется великая сила юмора. Выдающийся политический деятель Индии Джавахарлал Неру рассказывал в своей книге, что в то время, когда он стал играть заметную роль в жизни страны, его переполняло чувство собственного величия. Еще бы, вокруг только и твердили о его талантах, о его уме! Неру признается, что вылечило его от тщеславия отношение домашних: в семье, заметив и оценив обстановку, к нему стали шутливо обращаться не иначе как «наш великий!», «наш необыкновенный!», «наш гений!»... Эти насмешливые почести вернули ему здоровое чувство юмора, без которого трудно трезво оценивать себя и окружающих. В первую очередь себя.

...Отец Вити и Саши требовал от сыновей аккуратности во всем и всегда ставил им в пример себя. Стоило

кому-то из сыновей положить книжку не на ту полку или бросить на стул рубашку, как тут же раздавалось: «Опять? Ну почему я все кладу на место!» И вот однажды весь дом перевернули вверх дном: отец потерял какие-то свои документы и на поиски были брошены все силы, включая бабушку. В первый день так ничего и не нашли. За ужином Витя и Саша соболезнующе посмотрели на отца. «Папа, как же ты... ты и вдруг потерял документы!» — сказал Витя. «Такой аккуратный человек! — добавил Саша. Просто невероятно». «Прекратите, мальчишки! — прервала мать. — Со всяким может случиться!» «Может!» — с лицемерным смирением дружно сказали сыновья. Отец сидел красный и сердитый.

Документы нашлись в самом неподходящем месте — в телефонном справочнике, и отец вынужден был признать, что нечаянно сам засунул их туда во время телефонного разговора, а потом намертво забыл. После этого случая, требуя от мальчишек аккуратности, он уже остерегался ссылаться на себя, понимая, что сыновья не забыли его прегрешения, и не желая давать им повода к насмешкам. Смех — дело серьезное. Никто не хочет выглядеть смешным.

Что и говорить, возникают ситуации, когда не до улыбок, не до юмора, но не так уж часто они возникают, и не о них сейчас речь.

Посмеяться над зазнайством, над хвастливостью, над привычкой ябедничать друг на дружку, над ворчанием по любому ничтожному поводу — честное слово, гораздо действенней, чем читать очередную нотацию, да еще словами, которые уже стерлись от частого употребления, стали настолько привычными, что скользят по поверхности, не затрагивая ни чувств, ни мыслей.

Человек, обладающий чувством юмора, безошибочно поймет, когда уместно шутливое слово, улыбка, игра. А если у человека нет чувства юмора, то говорить на эту тему с ним бесполезно. Нет и нет, и неоткуда ему тогда взяться.

Как хорошо было бы обладать чувством юмора всем, в первую очередь родителям. В первую очередь потому, что отношения с детьми, построенные только на суровости, назиданиях, выговорах, нотациях, — скучные, уто-

мительные отношения. Они не приносят радости ни детям, ни родителям, даже если и есть от них какая-то польза. А что за семья без радости!

Так что, пожалуйста, улыбнитесь!

Вот вроде бы и все, что хотелось сказать. Но возможно, у кого-то из читателей возникнет вопрос: а хорошо ли, можно ли заканчивать серьезный разговор улыбкой? Не лучше ли еще раз сделать соответствующие выводы, подчеркнуть наиболее важные моменты, дать необходимые рекомендации.

Думаю, что выводы из всего сказанного сделают сами родители. И сами они решат, какие моменты являются важными именно для них. И тогда отпадет необходимость в рекомендациях, тем более что любая рекомендация, если она не основана на собственных возможностях, остается пустыми словами.

Что же касается улыбки, то здесь ей самое место: ведь воспитание детей в нормальной семье — счастливое и веселое дело. Не легкое, а именно веселое и счастливое. Тем, кто с подобным утверждением не согласен, можно искренне посочувствовать. Значит, для них дети и все, что связано с ними, лишь заботы и хлопоты и неизбежные неприятности. Конечно, им не до улыбок. Какие улыбки, какая может быть радость, если отношения с детьми состоят из одних поучений и выговоров, из нотаций и наказаний. Легко ли внушать, внушать... Как будто бесконечные занудные словеса когда-нибудь помогали достигнуть желаемого результата.

Такие родители напоминают хозяйку из старой притчи, которая собралась испечь пирог: взялась за работу, схватилась, а мука плохая, масла мало, сахару вовсе нет... Напихала она в тесто все, что под рукой оказалось, но пирог все равно не удался. Удивлялась хозяйка: «Я ли не старалась?»

Прошу прощения за кулинарные ассоциации, но у заправливой и предусмотрительной хозяйки пирог всегда удается.

Сколько людей — столько умов и сердец. Это одинаково относится и к взрослым и к детям. Если мы видим в ребенке личность, стараемся понять его, переносимся (по выражению Льва Николаевича Толстого) в не-

го мыслью и чувством, то наши усилия обязательно будут вознаграждены: доверием и любовью детей к нам, их дружбой между собой.

Беда в том, что слишком часто мы относимся к нашим детям со своих, «взрослых», позиций, требуем от них того, что соответствует нашим представлениям, и только нашим. А это часто чревато многими неожиданностями для нас же. Мы недоумеваем: откуда что взялось? Разве этому учили детей? А ведь и любили, и воспитывали, и желали только добра... именно со «своих позиций».

Несомненные истины, незыблемые понятия добра и зла нельзя вкладывать всем детям одинаково, как таблетку в рот. Каждый ребенок индивидуальность, а в вашей семье двое детей — значит, две индивидуальности. Если вы это понимаете, если они вам интересны — все будет в порядке, и дети ваши обязательно подружатся, не сегодня, так завтра, послезавтра — у них впереди целая жизнь.

Радостно воспитывать детей в семье, которая с рождением их становится более крепкой и счастливой, где на первый план выступают общие заботы и общие радости, прибавляется доброты, деликатности, чуткости. Отделяются плевелы от пшеницы, то есть отказываются взрослые от всего, что может стать для детей нежелательным примером. И, отказываясь, не считают, что приносят себя в жертву. Так получается, что все необходимые компоненты для воспитания детей налицо, и без ненужных метаний, без нервотрепки совершается это трудное, но счастливое и веселое дело — воспитание.

Любовь родителей к детям продиктована сердцем, но и голову при самой самозабвенной любви терять нельзя. Ведь можно любить ребенка так, что он, пользуясь этой любовью, сядет на голову. А можно любить так, что он больше всего на свете будет бояться потерять хотя бы частичку этой любви.

Сказанное одинаково относится и к одному ребенку, и к двум, и к трем...

...Шестилетняя Аня, увидев новую сестричку, спросила у матери:

— Теперь ты будешь любить меня наполовину, да?

Немалога труда стоило внушить дочке, что любовь не делится на части, что она не становится меньше к одному ребенку, оттого что в семье стало двое. Мама объяснила, что с рождением нового малыша рождается еще одна любовь, такая же большая, такая же нежная...

Мама сказала Ане чистую правду. Но родителям всегда надо вести себя так, чтобы дети их в эту правду поверили.

СОДЕРЖАНИЕ

Опять проблемы	6
Младший папа	14
Девочка из сказки	22
Они разные	28
Кому дать куриную ножку?	30
Как кошка с собакой	34
Брат мой — друг мой	40
Марья Петровна не знает, как быть	47
Любимчик	52
Плюс минус пять	59
Болевые точки (Три письма с комментариями)	66
Балетная Туська	70
Бабушка и внуки	77
Маленькие мужчины, маленькие женщины	84
Да улыбнитесь же!	86

Белла Леонидовна Леонидова

КОГДА ИХ ДВОЕ

Главный отраслевой редактор В. П. Аушев

Редактор О. Г. Свердлова

Мл. редактор Л. В. Михайкина

Художник В. А. Провалов

Художественный редактор П. Л. Храмцов

Технический редактор И. Е. Жаворонкова

Корректор Л. П. Валуева

ИБ № 8530.

Сдано в набор 26.01.87. Подписано к печати 24.03.87. А07913. Формат бумаги 70×100¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура журнальная рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,90. Усл. кр.-отт. 8,12. Уч.-изд. л. 4,58. Тираж 745 839 экз. Заказ 768. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 879205. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

15 коп.

31-7 Индекс 70062

